

Мемуары

Борис Грундульс

На сцене и на клиросе

Воспоминания хориста

Борис Карпович Грундульс (Грундуль, Грундулис) родился в 1889 году в семье протоиерея Карпа Грундулиса, скончался в 1969 г.

80 лет жизни... Три войны, из них две – на его глазах. Царская Россия, независимая Латвия, оккупированная Латвия, Советская Латвия... Почти всю жизнь Борис Карпович прослужил по судебному ведомству – судебным следователем, мировым судьей. Но все это – и ход времени, и служебное поприще – для него вещи второстепенные, обочина жизни. Главное – это присущий ему дар петь, способность чувствовать и понимать пение. А в пении выше всего ценить хоровое пение, где голоса то сливаются в один голос, то переговариваются друг с другом, не заслоняя один другого, то сопереживают друг другу. И его голос, голос

октависта – бас-профундо (глубокий бас) не теряется в этом многоголосии.

Публикуемые ниже воспоминания представляют собою вторую часть воспоминаний Б. Грундулиса; первая – утрачена, о чем, конечно, можно сожалеть, но сохранившаяся часть – абсолютно цельное повествование.

Можно порадоваться за автора воспоминаний – в работе над ними он вновь и вновь переживал то чувство восторга, которое охватывало его, когда он сам пел в достойном хоре на клиросе ли, на сцене ли или когда он слышал, как великие певцы и великие хоры под управлением талантливых дирижеров, регентов поют великую музыку.

Написаны воспоминания в середине 1950-х годов.

Борис Равдин, Рига

Записи Бориса Грундульса будут интересны в первую очередь знатокам и поклонникам хорового пения, музыкальной культуры и исполнительского мастерства. Это даже

не мемуары в точном смысле этого слова, а своеобразная летопись, сосредоточенная на главной любви автора – музыке, вокальном и хоровом искусстве. Грундульс перечисляет

Борис Грундульс

множество имен, хоров и вокальных ансамблей, концертов и выступлений. В круг его общения входили известные музыканты, регенты, композиторы, православные архиереи и клирики. Подчас автор дает нелицеприятные оценки некоторым личностям своего покровительства. Может показаться, что в этом отражаются особенности характера самого

Грундульса, однако, вчитываясь в строчки воспоминаний, видно, что движущим началом критики является любовь и трепетное отношение автора к тому делу, что стало центром его жизни. Борис Грундульс, являясь талантливым исполнителем и знатоком хорового искусства, умел по достоинству оценить качества того или иного хора, регента или солиста.

В конце своих записей Грундульс сетует на то, что хоровое искусство, по его мнению, теряет свои позиции и уходит в прошлое. Это связано не только с вполне понятными переживаниями пожилого человека, завершающего дни жизни в глухой провинции, постепенно теряющего физические силы и возможности также как прежде самозабвенно отдаваться служению музыке, но и бесспорным общим понижением планки культуры, высотам которой Грундульс был свидетелем в начале XX века. Это необратимый процесс понижения градуса образованности и культурности продолжается и нарастает, именно поэтому так насущны подобные воспоминания о подлинной красоте, имеющей укорененность в истине, спасающей общество от зла и тления.

Константин Обозный,
Псков, апрель 2016 года.

Б. К. Грундулис в памяти родных и близких Несколько слов

Дядя Боря – Борис Карпович Грундулис очень любил пение, в особенности – церковное. Он сам имел уникальный голос – октаву. Студентом Московского университета он пел в разных храмах Москвы, бывал на пасхальных службах в храме Христа Спасителя, где служил знаменитый протоиерей Константин Розов. Дядя Боря рассказывал, что Розов этот был махина, рыжеволосый. Он шел на Пасхальную заутреню как ледокол, и, прорубая

массу молящихся, проходил в алтарь. За его спиной могли пройти несколько человек, проходил и дядя Боря, пробираясь на клирос.

У меня есть подаренные дядей Борей пластинки с записью голоса архидиакона Розова и хора Донских казаков.

Гурий Антипов (1935-1997), племянник.
Записал Д. Трубецкой. 1992 г.

* * *

Я отдаю дань уважения Борису Карповичу, а женат он был на тете Шура, старшей из сестер Трубецких – она была моим идеалом еще с младенческих лет. Тетя Шура и дядя Боря приезжали к нам из Кулдиги. Появление тети Шуры всегда вызывало во мне необыкновенную радость. Тетя Шура была веселая, красивая, интересная и довольно полная дама,

всегда носила бусы. Я в детском возрасте, когда смотрела на нее, всегда говорила, что буду такой, как тетя Шура. И теперь я тоже довольно полная и тоже люблю носить бусы.

Ирина Николаевна Трубецкая (1938–1996),
племянница
Записал Д. Трубецкой. 1992 г.

* * *

Несколько лет тому назад родные дали мне прочесть воспоминания моего дяди Бориса Карповича Грундуля. Из этих воспоминаний я узнал об его учебе в Московском университете, о пении в разных московских храмах, о том, что он вернулся из Москвы в Ригу в 1921 году, о том, что он служил мировым судьей в Елгаве и Даугавпилсе. И о том, что все эти годы он пел в разных хорах, как церковных, так и светских.

Бориса Карповича я видел неоднократно. Мое детство совпало с возвращением в 1956 г. из сталинских лагерей четырех братьев Трубецких, среди которых был и мой отец. Все они были вне семей от 5 до 11 лет. После многих лет разлуки дяди, тети и мы, племянники, часто собирались в Риге, Огре, Зилупе, Лудзе, чтобы отметить дни ангела или юбилеи наших близких и родных. Обычно собиралось до 30 человек. Застолье начиналось молитвой. Потом шли разговоры о детстве, о довоенной жизни, о годах войны, об учебе в гимназии, об учителях, о Рижской Духовной семинарии, о свадьбах, о рождении первых детей. Все это сопровождалось шутками, смехом и обязательным общим пением. Ведь все

собравшиеся обладали хорошими голосами. Каждый исполнял и свою любимую народную песню или романс. Тогда я впервые услышал «Замело тебя снегом, Россия», «Молись, кунак», «Жило 12 разбойников»... Думаю, оттуда моя любовь к хорошему пению. Среди этих замечательных голосов звучал и редкий низкий голос Бориса Карповича, или, как мы его называли, дяди Бори. Жаль, что культура хорового пения уходит из русской среды.

Прошло много лет. Дядей и тетусек уже нет рядом, но эти встречи оставили неизгладимый след в жизни младшего поколения нашей большой семьи.

Как-то я познакомил с воспоминаниями Бориса Карповича редактора журнала «Православие в Балтии» А. В. Гаврилина, и он предложил мне подготовить эти воспоминания для публикации в одном из журналов. Работа эта была для меня новой. Спасибо всем, кто помогал мне в этом нелегком труде. Особая благодарность Вере Барташевской, Людмиле Никитенко и Борису Равдину.

Димитрий Трубецкой
Огре, апрель 2016 г.

Мне пришлось однажды побывать на концерте всемирно известного руководителя мужского вокального квартета «Братьев

Кедровых»¹, как его называли. То художественное наслаждение, какое я испытал, слушая этот незабываемый квартет, словами

передать почти невозможно. Это был идеальный образец вокального искусства. Четыре человека, без сопровождения, без дирижерства, прекрасными голосами так тонко и увлекательно передают исполняемые произведения, что прямо не верится, чего можно достигнуть человеческим голосом. Это были виртуозы вокального пения, каких нигде в мире не услышишь. Между прочим, несколько вещей они исполняли закрытым ртом, и получилось полное впечатление, что это не вокальный квартет на эстраде, а инструментальный, в составе: 1-я скрипка, 2-я скрипка, альт и виолончель – играют «под сурдинку» сложнейшие вещи. А как прекрасно они исполнили «Серенаду четырех кавалеров», а также «Жук и роза» и многое другое. Программа концерта была из двух отделений, но как не хотелось уходить домой, так бы слушал и слушал их бесконечно. Они изъездили весь мир, и всюду концерты их производили фурор

Квартет Кедрова. Слева направо:
Н. Н. Сафонов, К. Н. Кедров,
Н. Н. Кедров, М. М. Чупринников.
Петроград? Начало 1920-х гг.

На эстраде я слышал их только один раз, и навсегда мне запомнилось это прекрасное, незабываемое пение. Приходилось мне иногда слышать их по радио из различных стран, последний раз слышал их из Италии незадолго до 2-ой войны. Насколько я помню – состав квартета, когда я слышал в г. Юрьеве, был следующий: два брата Кедровых, Сафонов и, кажется, Юдин. Да, это было чудо вокального искусства, и я был

счастливым, что удалось их слышать. Я окончательно пришел к заключению, что наисовершеннейший музыкальный инструмент в природе – это человеческий голос.

Осенью 1916 года я был призван на военную службу и отправлен в Петроград на нестроевую должность как ратник ополчения 2-го разряда. В Петрограде я в хорах не участвовал, но кое-что все же слышал и изредка бывал в Мариинской опере и других театрах. Между прочим, слышал я на каком-то концерте и хор композитора Ал. Анд. Архангельского², под его личным управлением, но в сравнительно небольшом составе, человек 40-50. Тут пришлось лишний раз убедиться в том, как много зависит от дирижера хора, вполне овладевшим хорошим искусством. Замечательная гибкость хора в темпах, ритме, динамике и музыкальность в нюансировке. Прекрасное дополнение, но, к сожалению, это был не весь хор, а только часть его.

Слышал также в Казанском соборе хор духовного композитора Фатеева³, под его личным управлением, но скажу, что от Фатеева я ожидал все же большего, чем в действительности пришлось услышать. Если можно так выразиться, это было какое-то «казенное» пение, правда, очень стройное, чистое в своих аккордах, но все же не увлекательное. Сам Фатеев стоял среди хора так, что часть певцов находилась у него за спиной и его лица совершенно не видели, и он почти незаметным движением руки управлял хором. Такое положение хора, когда часть певцов видит только затылок и спину своего дирижера, по-моему, совершенно неправильно, так как оно несомненно отзывается на исполнимости хора. Был ли это весь хор, не знаю, часть его мне была не видна, так как некоторые певцы стояли за выступом стены. Думаю, что всего было не больше 40-50 человек.

Несколько раз слышал я и хор Преображенского собора (в Петрограде), это был

военный хор Преображенского полка, но с мальчиками, как и Фатеевский хор, всего человек 50-60. Пели тоже хорошо, но без особого увлечения. Из этого хора вышел впоследствии известный оперы Зимина артист – тенор Матвеев⁴.

В 1917 году, как известно, произошли революции, сперва февральская, а затем и октябрьская, и не приходилось думать о концертах, а в июле 1918 г. я демобилизовался и переехал в Москву к жене, которая тогда проживала у своих родителей под Москвой, в Мытищах. Первое время я жил у них и поступил на работу в Артиллерийское управление. Каждый день приходилось поездом ездить в Москву на работу, а вечером возвращаться обратно. Тут тоже не приходилось думать о пении, тем более, что то время было очень голодное и холодное.

Не помню точно, но, кажется, в 1919 году, когда семья сестры моей жены уехала из голодной Москвы в Борисоглебск Тамбовской губернии, я с женой перебрался в Москву и занял их квартиру. Первое время я нигде не пел, а потом, ввиду того, что до хора А. П. Архангельского было очень далеко ходить, а трамвайное сообщение в то время безобразное, я поступил в один небольшой хор, поблизости от моего местожительства. Хор был очень посредственный, человек 20-25, управлял им некто Кудрявцев или Кудряшов, человек без особых дарований.

Но вот как-то пригласил поуправлять хором Сергея Александровича Богословского⁵ (кажется, готовились к службе Патриарха), и за две недели хор был совершенно неузнаваем. Многие потом спрашивали, не новый ли это хор поет так хорошо, на что приходилось отвечать, что хор поет все тот же, но другой регент управляет им. Это тоже лишний раз доказывает, как много зависит в хоре от того, кто стоит во главе его.

Приходилось все же мне иногда участвовать в хоре А. П. Архангельского. Так,

помню, как раз пели мы в составе 40-45 человек, а в качестве солистки была приглашена артистка Большого театра – Степанова⁶. Спела она с хором всего две вещи – Завадского «Отче наш» и запричастный «Хвалите», но своим замечательным исполнением и великолепным голосом (колорат<урное> сопрано) она буквально всех очаровала. У нее был идеально чистый и очень высокий и приятный голос, похожий на голос великой артистки Большого театра Неждановой⁷. Помню, пришлось мне раз петь какую-то очень торжественную службу в церкви Троицы на Маросейке. Служил Патриарх Тихон⁸, 3 митрополита, 8 архиереев, а прочего духовенства было без счета. Служил также знаменитый протодиакон Румянцев. Пел хор человек 40-45 под управлением С. А. Богословского. Был ли это хор Архангельского или какой другой, сейчас уже хорошо не помню, но в памяти все же сохранилось, что в хоре был тенор Вьюнов, певший раньше в хоре Архангельского. Среди публики был виден и композитор Чесноков⁹, который часто бывал, когда хором управлял его друг С. А. Богословский. На этот раз Сергей Александрович потребовал такого внимания и энергии от певцов, что после запричастного концерта «Внуши Боже» – муз. Архангельского, мы стояли, как выжатые тряпки, если можно так выразиться. В особенности, он развил динамику, начиная со слов: «сердце мое смятется», а затем – «страх и трепет прииде на мя»... и выжал, буквально выжал из хора все, что можно было, а потом дал мне возможность очень красиво сделать в октаву «и покры мя тьма». Голос у меня тогда был в самом соку, и все говорили, что у меня это небольшое соло вышло очень солидно и даже красиво.

Не то в 1919 году, не то в 1920 пришлось мне по службе быть в командировке в Киеве. В воскресенье отправился в Софийский собор, где слушал исполнение

«Литургии», написанной великим композитором П. И. Чайковским.

Самого хора я не видел, так как он находился наверху, на хорах, но по звучности я определил его в 50-60 человек. Управлял хором духовный композитор Качановский. «Литургию» П. И. Чайковского я хорошо знал, так как в репертуаре хора Архангельского она была, кроме запричастного концерта, и довольно часто приходилось петь то или иное произведение из нее, и поэтому мне было интересно сравнить исполнение хором Архангельского и Качановского. Пел хор Качановского очень хорошо, но все же должен был признать, не все мне понравилось в исполнении хора Качановского. У нас хор пел как-то более художественно, с большой нюансировкой. В особенности эта разница была заметна в исполнении «Верую». Хор Качановского пел хотя и очень хорошо, но, по-моему, толковал это произведение Чайковского довольно однообразно. Так, например, слова «и возшедшаго на небеса» написаны как бы ступенями вверх и в басовой партии последний слог слова «небеса» оканчивается верхним «до»; пели мы всегда эту фразу, постепенно переходя на «пиано», а слог «са» уже кончали чуть слышно, так что получалось впечатление действительного восхождения на небеса, которые находятся очень и очень высоко. Слова «и страданна и погребенна» в партитуре написаны одинаково, но мы всегда отделяли страдание от погребения, более подчеркивая «страдание», придавая ему соответствующий оттенок. Далее, в словах: «и паки грядущего со славою судити...» делалось постепенное нарастание звука, в особенности, на словах «грядущего со...», и получалось впечатление приближения этого грядущего. Одним словом, разница была довольно ощутимая, но все же было интересно и приятно послушать «Литургию» П. И. Чайковского в исполнении

другого хора. В Киеве я пробыл всего 3 дня и мало успел повидать из достопримечательностей города.

В Москве я продолжал петь в хоре одной из ближайших церквей от своей квартиры. Получал я не месячный оклад, а за каждую службу отдельно. Деньги в то время очень упали в цене и были очень дешевы. На работе, в том учреждении, где я работал, мне платили 600 000 руб. в месяц, и кроме того, получал я небольшой паек, но этого, конечно, на семью из трех лиц (у меня в 1920 году родился сын и жена свою работу бросила) хватало ненадолго, ибо цены на продукты были невероятно высоки. Например, фунт соли стоил 2 500 руб., а за свою работу костюма, который я давал шить из полученного на работе материала, уплатил 370 000 рублей. Поэтому я принужден был подрабатывать пением в хоре, где получал за каждую службу по 75 000 руб. Таким образом, в месяц выходило не меньше 900 000 рублей, т.е. больше, чем в учреждении на работе.

В это время, в той же сравнительно небольшой церкви, мне пришлось раз услышать знаменитого баса – В. Р. Петрова¹⁰ – артиста Большого театра в трио «Разбойника», муз. Воротникова. Пели: Петров, артист Стрельцов, а кто был третий – сейчас не помню. Удивительно прекрасно спел Петров, в особенности красиво у него вышло то место, где бас начинает соло «и мене». Петров начал довольно тихо, а потом так расширил звук, что наполнил своим прекрасным бархатным голосом всю церковь, все купола, но одновременно с этим не задавил своим мощным басом остальных певцов. Получилось очень красиво. Бесподобно! Неудивительно, что в храме Спасителя, вмещавшим в себя до 10 000 человек и где Петров раньше ежегодно пел «Разбойника», всегда бывало столько народу, что все не могли вститься. Каждому, конечно, хотелось послушать «Разбойника» в исполнении такого

мастера как Петров. После запрещения петь в храме Спасителя, Петров все же продолжал петь в других церквях. Так, тогда когда я его слышал у нас, ему за один вечер удалось спеть в трех церквях. Чтобы успеть на «Разбойника», у них был взят извозчик, который его ожидал, и после исполнения «Разбойника» в одной из церквей, сейчас же отвозил его в другую, где Петрова уже ожидали, заранее сговорившись соответствующим образом начать службу так, чтобы он успел приехать.

В последние годы моего пребывания в Москве слышал я несколько раз нового знаменитого в Москве протоиерея Остроумова, он же участвовал и в Музыкальной драме. Служил он очень своеобразно, не так как обыкновенно служат диаконы, а по-иному. Так, ектении и даже Евангелие он читал не протяжно или нараспев, как это делается обыкновенно, а «читком», как читают. Обладая огромным красивым голосом – басом с прекрасной дикцией, у него получалось довольно оригинально и очень своеобразно. Так, например, на ектении «Оглашении, изыдите» – он как бы обращался к народу в повелительном тоне, убеждал оглашенных выйти из церкви. Вообще, служил он очень оригинально, и некоторым это сильно нравилось. Сам он длинных волос не носил, был бритый, и сразу было видно, что это не диакон, а настоящий артист.

Так я прожил в Москве до ноября 1921 года, а в ноябре как беженец из Латвии был эвакуирован в Ригу.

Вернувшись из Москвы, больше месяца я прожил с семьей в деревне, у отца, а затем переселился в Ригу и поступил на работу по судебному ведомству. Одновременно стал я петь в Кафедральном соборе, где тогда существовало два хора – русский под управлением Алексея Федоровича Попова¹¹ и латышский – под управлением Ивана Андриевича Микельсона¹². Попов был регент

слабый и ничего хору передать не мог. Я всегда его называл «метрономом», а хор был небольшой, все больше из родственниц Попова, пела его жена, сестра жены, три племянницы и т.д. Но у Попова была колоссальная хорошая библиотека, как ни у кого в Риге, и знал он и понимал немало, но передать хору ничего не умел. Сам он был совершенно безголосый, хотя и старался петь хриплым голосом – тенором, чем очень портил дело.

И. А. Микельсон был регент более сильный и опытный, но все же довольно вялый. Хор у него тоже был побольше, человек 30, но певцы больше все молодые, малоопытные. Много он с ними работал, но все же не так они пели, как бы хотелось. После Москвы пение мне казалось вялым и скучным. Немало я как одному регенту, так и другому, а также певцам рассказывал о том, какие были регенты, как увлекали за собой певцов, какая была в хорах дисциплина и т.д. Но недолго я пел в этих хорах – получил назначение по службе и после Пасхи, в начале мая, уехал в Якобпилс [Екабпилс]. На Пасху в Соборе пели оба хора и так как они оба стояли наверху, на хорах рядом, то мне приходилось все время переходить из одного хора в другой.

Помню, что незадолго до моего отъезда из Риги, как будто это было еще в апреле месяце, на хорах появился директор еврейской консерватории некто Розовский¹³ и спросил у наших певцов, не найдется ли в хоре у нас такой бас, который может взять нижнее «ми» в октаву. Он собирался ставить какую-то ораторию, и ему необходимо для этого в его хоре бас с нижним «ми». Певцы наши даже расхохотались и, указывая на меня, сказали ему: «Вот наш октавист, он свободно берет не только нижнее «ми», а дальше «ре», «до», «си» и «ля».

Розовский был поражен этим обстоятельством и, буквально ухватившись за

Хор Даугавпилсского собора св. Александра Невского. Слева направо сидят: диакон Капитон Гербачевский, неизвестная, неизвестная, настоятель собора протоиерей Евгений Свинцов, архиепископ Иоанн (Поммер), регент Владимир Глаголев. На полу вторая слева: Александра Трубецкая. Даугавпилс. 12.09.1925 г.

Александров-Невская церковь
в Риге. Конец 1920-х гг.

меня, стал упрашивать меня принять участие в постановке его оратории и просил прийти к нему в консерваторию на репетицию. Я, было, согласился принять участие, тем более, что он обещал мне хорошо уплатить за это, но тут же я получил назначение по службе и поэтому, придя на репетицию, отказался принять участие в его концерте, где он нашел другого исполнителя, не знаю, т.к. я через несколько дней уже уехал из Риги.

Но новом месте в Якобпилсе я продолжал петь в духовном хоре, хотя тут уже совсем чувствовал неважно: хор был очень маленький, состоял из любителей, часто к тому же со слабыми голосами, плохим слухом, малопонимающим хоровое пение. Но меня не забывали в Риге, в архиерейском хоре. Микельсон, когда устраивал какой-либо концерт и поездку куда-либо с хором, всегда телеграммой вызывал меня в Ригу для участия в концерте, а также и я устраивал концерт хора Микельсона в Якобпилсе, где хор спел и духовный, и вечером светский концерт, прошедшие с большим успехом.

Кажется, весной 1924 года пригласил меня и Даугавпилсский регент Глаголев¹⁴ для участия в духовном концерте в Даугавпилсе. Хор у Глаголева оказался небольшим, человек 20, но видно было, что поработал он с ним много, т.к. пели хорошо. С Глаголевым я познакомился еще раньше, в Риге, на репетиции хора Попова, когда мы готовились петь «Литургию» П. И. Чайковского. Глаголев тогда был еще молодой регент и очень увлекался хоровым пением, часто приезжал в Ригу, заходил к Попову поучиться и за нотами, которых у него, очевидно, было мало. Но концерт в Даугавпилсе

он провел хорошо, даже пели «Верую», муз<ыка> Гречанинова; солировала одна из Вернер – приличный альт. При выходе из церкви после концерта на крыльце встретил учителя М. К. Луговского¹⁵, который меня все же сразу узнал, обратившись ко мне со словами: «Слушаю концерт и думаю, откуда у нас в Двинске [Даугавпилс] такая октава, а это оказывается Вы».

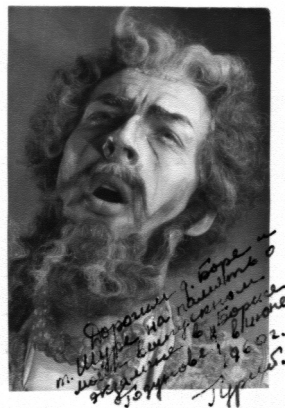
С Луговским я познакомился еще в 1909 году, когда, кончив гимназию, я впервые

стал петь в мужском квартете в Кеммери [Кемери], а он часто приходил в числе других любителей к нам на хоры попеть.

Приблизительно в это же время я принял участие в концерте хора А. Ф. Попова, когда он проводил «Литургию» композитора П. И. Чайковского. Концерт этот пели в Рижской Александро-Невской церкви, где акустика очень неважная, хор был очень небольшой и, хотя разучили все хорошо, но концерт прошел довольно тускло, вяло, без всякого художественного исполнения. Как много зависит от дирижера хора!

В мае 1925 года меня перевели на работу в Елгаву (Митава), где я тоже продолжал петь в качестве любителя пения, без всякого вознаграждения. Хор был любительский, побольше, чем в Якобпилсе, были в хоре даже отдельные приличные голоса. Управлял хором некто [Д.] Стеценко – регент довольно слабый, и поэтому ничего интересного для меня не получилось. Часто ездил в Ригу, где продолжал петь в хоре Микельсона и выезжал с хором в Смилтене, Салацгриву и другие места. Как будто в это же время был в Риге юбилейный концерт хора Микельсона, или вернее – 40 лет его хорового дирижирования. В концерте принимал участие и «Перконский» мужской хор, из бывших семинаристов. Я, хотя и никогда не был семинаристом, но как октависта и меня просили участвовать в обоих хорах. Участвовал в концерте как солист артист оперы лирический тенор Паул Сакс¹⁶. Концерт был очень многолюдный и прошел хорошо. После концерта на квартире у Микельсона было его чествование, на котором был и Паул Сакс, и директор Латвийской консерватории профессор Язеп Витолс¹⁷. Между прочим, за столом профессор Витоль и Паул Сакс, а также архиепископ Иоанн¹⁸ и другие уговаривали меня поступить в консерваторию, но я опять отговорился тем, что теперь это уже поздно для меня, года уже не те, да и обеспечен другой работой

по своей специальности. Таким образом, я второй раз отказался от возможности стать певцом-артистом. Хорошо ли это было или нет – сказать, конечно, трудно, но, во всяком случае, если бы послушал советов, то дальнейшая жизнь у меня была бы совершенно иная, чем теперь. Правда, много я слышал и видел за свою жизнь, и теперь утешаю себя тем, что если мне не было суждено стать артистом-певцом, то хоть мой племянник – сын моего младшего брата¹⁹ – Виктор²⁰ пошел по артистическому пути – в прошлом, 1955 г., кончил консерваторию и стал артистом-певцом. У него лирический баритон камерного стиля. Правда, голос небольшой, довольно приятного тембра и с хорошей дикцией. Ездил он в Москву на декаду латышского искусства, а затем поехал с бригадой филармонии в концертное турне по Кавказу и Средней Азии. Много он увидел и услышал, а это очень и очень хорошо для каждого человека, а для артиста особенно. В прошлом году поступил в консерваторию и другой племянник со стороны моей жены – Гурий Антипов²¹ – бас.

Гурий Антипов в роли Бориса Годунова на выпускном экзамене Латвийской консерватории, 1960 г.

Посмотрим, что выйдет из него. Пусть учится и развивает свой голос, может быть, тоже получится артист-певец! Если мне в свое время не удалось использовать

имеющиеся у меня богатые возможности, то хоть племянники пусть развивают свои таланты.

Мне же остались только мои воспоминания о былых возможностях и обо всем том, что я сам видел, слышал и переживал. Если бы не было у меня этих воспоминаний, может быть, я и сожалел о том, что не воспользовался былыми возможностями, а теперь я все же доволен и тем, что в жизни своей видел, слышал и переживал.

В конце 1926 году я был переведен на работу в г. Даугавпилс (Двинск). Город этот побольше тех городов, где я последнее время жил и потому там было больше возможностей приобщиться к хоровому пению и принимать более деятельное участие как в концертах, так и других начинаниях, связанных с хоровым искусством. Конечно, там уже не было того художественного удовлетворения, какое я переживал в Москве, но все же я был сильно занят пением и предлагал много усилий и энергии, чтобы поднять хоровое пение. Петь я прежде всего стал в духовном хоре Александро-Невского собора, где регентом был Иван Кононович Котовский²². Это был украинец лет 45-50, человек довольно музыкальный, пение, видимо, любил и понимал в нем толк, но очень ленивый и сильно преданный пьянству. В трезвые моменты много приходилось с ним беседовать о хоровом пении, о своих личных переживаниях и впечатлениях, пережитых в свое время в Москве. Из разговоров с Котовским я понял, что он человек талантливый, прекрасно понимает хоровое пение, любит его, но его странная слабость к водке сильно его губит. Как ни убеждал я его, а затем и другие певцы бросить это постоянное пьянство или по возможности воздерживаться от него, ничего не помогало.

И сам он много раз давал слово, даже каялся и божился, что бросит свое пьянство, но спустя некоторое время, его опять

«прорывало» и тогда продолжалось то же самое, что было, и тогда никакие уговоры и убеждения на него не действовали. Много раз из-за пьянства Котовского приходилось с ним ссориться и даже ругать его, но он все же иногда допивался чуть ли не до белой горячки. Только последние годы моего пребывания в Двинске, после того, как он женился в третий раз и, видимо, жена его забрала как следует в руки, он стал значительно реже пить. Но в общем все же он был довольно талантливым человеком и неплохим регентом.

Хор состоял из певцов – любителей пения, все больше молодежи и малоопытных певцов, среди которых были и некоторые с небольшими голосами.

Вознаграждения никакого певцы не получали, за исключением так называемых наградных к большим праздникам. Численность хора колебалась от 25-35 человек.

Конечно, если бы И. К. Котовский всегда бывал трезвый и больше бы работал с хором, многого можно было бы достигнуть, но тут приходилось мириться в известной степени и с этой его слабостью, так как лучших регентов в городе не было, а из Риги в провинцию никто ехать не хотел, ибо вознаграждение регента было очень небольшое. Я старался воздействовать на И. Котовского всякими способами, и мне это иногда удавалось, так как он все же считался со мной и часто советовался по поводу того или иного произведения и его исполнения. Часто я указывал ему на ошибки в исполнении и вносил свои предложения, которые он охотно принимал. Если же предполагался какой-либо концерт, то программа его обязательно составлялась при моем ближайшем участии и содействии. Хотя я иногда участвовал в выступлении других хоров, но всегда меня тянуло к этому хору, и я считал его как бы своим. Одной из приманок, очевидно, несмотря на то, что я был давно женат, и у меня был сын, оказалась

певица хора, молодая учительница Шура Трубецкая.

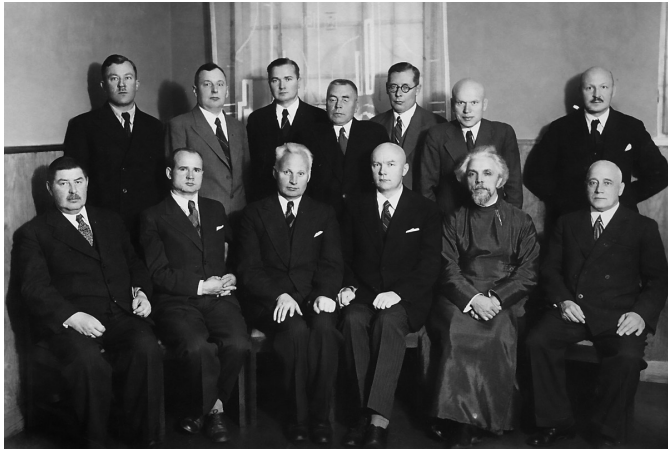
Хотя раньше в Москве в хоре, да и в других хорах были молодые и даже очень интересные певицы, которые, как я замечал, интересовались мной, а некоторые даже, если можно так выразиться, «бегали» за мной, но безрезультатно, а вот Шура Трубецкая сразу привлекла мое внимание своей жизнерадостностью, здоровьем, веселостью и простотой, иногда доходившей до наивности, а также интересом к хоровому пению. Ввели ее в хор «дискантовой мамой», потому что она в партии сопрано всегда была ведущей партию, простое пение она знала наизусть и пела вообще с видимым увлечением. Оба мы оказались одного происхождения и потому у нас нашлось много общих интересов, главным образом, по вопросам хорового пения. Она жила в Двинске одна, в небольшой снимаемой у одной вдовы, комнатке, и я часто к ней заходил посидеть, поговорить о пении, об артистах, много ей рассказывал о Москве, других городах, где мне приходилось бывать, обо всем виденном и слышанном в своей жизни, а также делился всеми своими впечатлениями. Часто ходили мы, в особенности летом, гулять куда-нибудь за город. Все это нас очень объединяло, и я ее крепко полюбил. Она была еще молодая, моложе меня на 15 лет, мало что видела в искусстве, и поэтому я старался познакомить ее поближе с ним, содействуя и часто помогая посещению концертов и приезжих знаменитостей и прочих гастролеров, иногда посещавших наш город Двинск.

Так, ей удалось увидеть игру артистов Московского Художественного театра – Качалова, О. Гаевской, Михаила Чехова, Греч, Павлова, видеть на сцене балерину Большого театра Карсавину²³, слышать знаменитых певцов: Мариинского театра – Большакова (бас), Леонида Собиннова²⁴ (хотя уже на закате своего таланта),

Александра Трубецкая,
г. Даугавпилс 1925 г.

певицу Большого театра Барсову²⁵, певицу Плевицкую²⁶, знаменитую певицу Нину Кошиц²⁷, знаменитого скрипача Кубелика²⁸, известный инструментальный квартет имени Глазунова и других. Все это не могло не оказать известного влияния на ее развитие. Раз даже ездили вместе в Ригу, где тогда гастролировал чехословацкий государственный хор под управлением профессора Кржижковского. Это был прекрасный мужской хор в 45 человек. В техническом отношении нельзя ничего лучшего ожидать от хора как в смысле интонаций, так и вообще художественного исполнения. Хор был очень эластичный и весьма дисциплинированный, но как хотелось бы услышать в нем и низкую октаву, придающую хору известную красоту и полноту, что так свойственно известным русским хорам. А между тем, 2-е басы были слабоваты, а октавист ниже ноты «ре» нигде не спускался. Затем вся программа была из произведений западной вокальной музыки, да еще на чужом языке, к которой наше ухо не привыкло, и поэтому до души не доходило. Очень интересно, конечно, было послушать этот хор, но особого удовлетворения у нас все же не было.

Б. Грундулис (во втором ряду в очках) среди коллег по судейскому цеху. В первом ряду – отец Савва Трубицын. Даугавпилс. 1938 г.

Приезжал в Двинск с концертом и Польский государственный мужской хор под управлением тоже какого-то польского профессора, фамилию которого я сейчас не помню. Этот хор был как-то ближе и понятнее нам: здесь, возможно, влияние славянских мелодий и мотивов. Хор тоже очень эластичный и сильно дисциплинированный. В нем уже больше чувствовалось присутствие хороших и низких басов. Был также в Двинске с концертом Рижский еврейский хор под управлением дирижера Абрамиса²⁹. Хор хороший, большой, смешанный, с прекрасными голосами, в особенности, в теноровой партии, но зато басы слабые, а низких (2-х) и совсем нет, что, по-моему, объясняется тем, что у евреев вообще почти не бывает низких голосов (басов), зато тенора великолепные, в особенности, первые. В программе концерта были все больше различные оратории, сравнительно малопонятные нашему слуху. Но сам дирижер был великолепен, и мне кажется, под его управлением довольно легко петь. В общем, концерт был очень интересный.

Я все продолжал петь в хоре И. К. Котовского, который тоже иногда давал духовные

концерты. Иногда же участвовал я и в латышском хоре. Между прочим, хочется отметить, что с постановкой пения в латышских хорах того времени я во многом не согласен. Так, во всех латышских хорах, будь то местные или рижские, как хор Рейтера³⁰ и другие, наблюдалось, как общее явление, присущие всем хорам без исключения – неправильное распределение голосов, преобладание женских голосов и в особенности

доминирующая роль сопран, в то же время как мужских голосов всегда мало и их почти не слышно. Такое преобладание женских голосов делает хор неполноценным как хорового коллектива, где все партии голосов должны звучать равномерно, ибо иначе он получается как бы кривобоким. Затем, в латышских хорах очень заметно, что басы и тенора имеют почти одинаковые тембры, и трудно бывало различить, где поют басы, а где тенора. Очень большим недостатком певцов я считаю, что мужчины при пении часто допускают так называемые «белые звуки», т.е. поют иногда слишком раскрывая рты, благодаря чему получают плоские, неприятные, режущие ухо звуки, что называется «поют козлом». Сильно мне также не нравилась манера регентов задавать тон слишком громко и «принятие» этого тона хором тоже громко, причем каждая партия голосов повторяет свою ноту. Такой способ задачи тона является слишком примитивным и всегда кажется, что певцы настолько малограмотны в хоровом пении, что без такой задачи тона они и не смогут начать петь, что на меня всегда производило неприятное впечатление. Но в последнее время и в латышских

хора многие недостатки постепенно начали исчезать и петь стали лучше. Но все же чувствуется большой недостаток в хороших басах и в первых тенорах. Объясняется это, может быть, отчасти и тем, что у латышей, как народа более северного, вообще сравнительно редко бывают у мужчин низкие и высокие голоса, т.е. вторые басы и первые тенора. Видимо, и природа оказывает свое влияние, в противоположность югу, где часто можно встретить эти разнородности в голосах мужчин.

Из любви к хоровому пению я всеми силами старался поднять хор Котовского, оказывая всяческое влияние и на певцов, и на регента самого. Чтобы пробудить в певцах больший интерес к пению, в 1928 году мы с Котовским решили совместно отпраздновать наши юбилеи в пении – мне – 25 лет, а его – 30 лет.

Для этого, прежде всего, решили устроить в декабре большой юбилейный концерт, к которому усиленно готовились долгое время, а в качестве солиста, между прочим, пригласили артиста радиопона тенера Александра Федоровича Янковского³¹, с которым я был давно знаком по совместному пению еще в архиерейском хоре до первой войны и который согласился

спеть с хором «Отче наш» и еще что-то, но сейчас уже не помню. Когда хор был достаточно подготовлен, объявили концерт на 9-е декабря. Концерт прошел хорошо, в программе пели даже П. И. Чайковского «Херувимскую» и «Верую». Хорошо также спел Янковский. Народу на концерте было много. И, несмотря на то, что вход был по добровольным пожертвованиям, сбор был очень хорошим.

Вечером происходило, если можно так выразиться, чествование юбиляров, а мне даже был преподнесен блокнот со следующей надписью: «Глубокоуважаемому Борису Карповичу Грундульсу от признательных любителей церковного пения Александро-Невского собора в ознаменование 25-летнего юбилея духовно-хоровой деятельности». Затем мы все решили группой сняться у хорошего двинского фотографа, что и исполнили в следующее воскресенье, хотя и не все певцы могли явиться и потому не все попали в группу. Фотография эта у меня хранится до сих пор.

Чтобы еще больше воодушевить певцов хора и больше заинтересовать их в пении, я предложил поехать с концертом в Ригу в Кафедральный собор, что было хором принято с восторгом, тем более, что я обещал похлопотать поездку туда и обратно в отдельном вагоне. Несмотря на то, что в соборе ни один другой хор, кроме соборного, никогда концертов не устраивал, мне все же было дано разрешение на концерт нашего хора, а через одного знакомого рижского певца-железнодорожника Ваяржинского удалось получить и отдельный вагон для поездки хора в Ригу и обратно. В конце января был объявлен наш концерт в Риге с той же программой, с какой мы выступали на юбилейном концерте в Двинске. Все было бы хорошо, певцы только и говорили о предстоящей поездке в Ригу, но так как тогда стояла очень морозная погода, то я предложил отложить поездку с концертом

Хор Даугавпилсского Успенского храма: в центре (в пенсэ) Б. Грундулис, за ним (галстук-бабочка) – Геннадий Чапля (с 1933 года – диакон); во втором ряду вторая слева – Александра Трубецкая. Даугавпилс. Конец 1920-х гг.

на более теплое время, так как такая морозная погода может отразиться неблагоприятно на посещение концерта в Риге, но так как моих доводов и слушать никто не хотел, пришлось все-таки ехать. В Риге тогда было 29 градусов мороза.

Конечно, народу собралось на концерт не так уж много, но все же все расходы по поездке мы полностью покрыли. Сам концерт также прошел хорошо, и все были удовлетворены. Меня даже вызвал к себе архиерей, благодарил за концерт и сказал: «Хорошо, что вы приехали. Ваш концерт заставил подтянуться и нашего регента (Микельсона) и певцов хора, а то последнее время они стали хуже петь».

Воспользовавшись пребыванием нашим в Риге, я предложил некоторым певцам нашего хора побывать в опере, и сам с Шурой тоже отправился в оперу. Шла опера Бизе

«Кармен», которую я уже видел несколько раз и в Риге, и в Москве. Но мне хотелось показать оперное исполнение Шуры Т<рубецкой>, которая еще ни одной оперы не видела и не слышала на сцене. В общем, поездкой этой все были очень довольны. Летом 1929 г. мне по делам службы пришлось быть в Корсовке [Карсава], а оттуда я заехал в Михалово – в 9-ти километрах от Корсовки, где познакомился с семьей Трубецких³², состоящей из отца, матери и 9-ти детей.

Старшей дочерью Трубецких была Шура. Вся семья оказалась с голосами, хотя и небольшими, но петь могли все. Лучшие голоса были у Шуры и ее младшей сестры Кати, причем обе – сопрано, в особенности приятного тембра сопрано было у Кати. Впоследствии я слышал ее в Режице [Резекне], когда Катя училась в

гимназии, на одном ученическом вечере. Она пела соло, и должен сознаться, что тогда подумал, что если бы ей дать музыкальное образование, из нее вышла бы хорошая певица-артистка. Да, музыкальное образование, но где на это взять средства, ведь это все очень дорого тогда стоило. Шура тоже иногда выступала соло и в дуэтах как в своей гимназии, где она тогда учительствовала, так и на некоторых благотворительных концертах и вечерах.

Приблизительно в это же время или немного раньше основалось в Двинске певческое общество. В числе его организаторов был и я, вместе с Петром Ивановичем Берзинем³³, которого я знал еще с гимназических лет, хотя он тогда учился в Духовной семинарии и пел в архиерейском хоре в качестве октависта. Оба мы были общим собранием организаторов певческого общества избраны в правление общества, состоявшего из 5-ти членов. Берзинь часто принимал участие также в хоре Котовского. При обществе организовался смешанный хор в числе 55-60 человек. Регентом хора был приглашен учитель пения одной из местных латышских школ, некто Скудра. Но как регент был довольно слаб и ничем не отличился. Я приглашал дирижером этого хора, а также церковного Борисоглебского собора и преподавателем Двинской народной консерватории своего старого знакомого певца-тенора А. Ф. Янковского, для чего специально ездил в Ригу. Но из этого ничего не получилось, т.к. Янковского, который в то время состоял преподавателем пения в нескольких рижских школах и участвовал в выступлениях в радиэфоне, мое предложение, конечно, не устраивало.

Семья Трубецких (слева направо): первый ряд – Михаил, Павел; второй ряд – Александра, Николай, отец Никанор Трубецкой, матушка Александра, Домника; третий ряд – Ефросиния, Екатерина, Иван, Мария. Михалово. 1925 г.

Хоровое общества в большинстве своем состояло из малоопытных любителей-певцов, и с таким хором надо было очень много работать. Пришлось нам все же остаться с регентом Скудра, который и готовил всю программу нашего первого открытого концерта, на каковой мы все же пригласили в качестве дирижера из Риги Теодора Калныня³⁴. Он заранее приехал и провел до концерта 2-3 репетиции, чем сильно поднял хор. Дирижер прекрасный, с большим темпераментом, управлял хором очень четко, ясно и понятно, с ним приятно было петь.

Концерт, в общем, прошел хорошо, насколько это было возможно при наличии такого состава хора, какой был в тот раз у нас. Калнынь тоже остался доволен успехом и, между прочим, высказал, что он был бы очень рад, если бы у него в Риге были бы такие низкие басы, как я и Берзинь.

Приехал в Ригу на гастроли знаменитый хор Ленинградской Академической капеллы под управлением профессора Климова.³⁵ Эта бывшая придворная певческая капелла, просуществовавшая более 250 лет. Во главе ее когда-то стояли знаменитые композиторы и дирижеры, как, например,

Похороны протоиерея Карпа Грундулиса. Впереди процессии архиепископ Иоанн (Поммер), за ним – неизвестный (в скуфье), далее – протоиерей Николай Шалфеев, последний в ряду священнослужителей – протоиерей Иоанн Янсон (в скуфье). Рига, Покровское кладбище. Октябрь 1932 г.

Бортнянский, Львов, Бахметьев, великий русский композитор И. И. Глинка, Балакирев, Римский-Корсаков, Смоленский, Аренский и другие. Приезжал хор в Ригу в составе около 100 человек, но в хоре уже были наравне с мальчиками (дисканты и альты) и женщины. Первая часть программа состояла из духовных произведений, а вторая из светских. Между прочим, хор исполнял полностью знаменитую «Всенощную» композитора С. Рахманинова. Я очень и очень сожалел, что не мог поехать в Ригу на этот концерт, тем более, что «Всенощную» Рахманинова я никогда не слышал, и мне было бы в особенности интересно послушать такой редкий концерт.

Судя по отзывам газет и тех лиц, кто побывал на этом концерте, это был, действительно, редкий художественный концерт чистого хорового искусства без всякого сопровождения.

Не могу забыть концерт другого хорового коллектива – чистого хорового искусства – концерт мужского хора Донских казаков под управлением Сергея Жарова³⁶, который тоже приезжал в Ригу и на

который мне, хотя и с большими трудностями, все же удалось попасть. Хор дал 8 концертов в театре Латвийской оперы, и все они были переполнены до последней возможности. Я попал на последний, 8-ой концерт, но попасть было очень, очень трудно. Когда я приехал в Ригу, то все только и говорили об этих концертах, а все газеты были переполнены статьями и отзывами о них. С утра пошел я в театральную кассу, где очередь в несколько сот человек, и сразу понял, что терять время на стояние в очереди бесполезно,

так как никакой надежды на получение билета в кассе нет, а попасть на этот концерт мне [нужно] во что бы то ни стало. Встретил несколько знакомых рижских певцов и регентов и просил их каким-нибудь способом раздобыть мне билет на концерт. Весь день был потрачен на изыскание средств и способа, чтобы попасть на этот концерт. Прежде всего я обратился в дирекцию оперы и предъявил свое удостоверение о том, что я член правления Двинского Латышского певческого общества и просил как приезжего устроить меня в помещение оркестра или куда-нибудь за кулисы, чтобы дать возможность прослушать этот концерт. Но все же мне было заявлено, что все занято, и устроить меня куда-либо нет никакой возможности. Видел еще много регентов, певцов и просто знакомых в надежде где-нибудь достать какой-нибудь билет, но все было напрасно. Наконец, обратился к архиерею, который дал мне письмо к артисту оперы – тенору Васильеву³⁷, и я отправился к нему. Самого Васильева не застал дома, но во мне приняла горячее участие его жена, тоже артистка – Телегина-Васильева³⁸, которая

обещала дело это обязательно устроить и просила зайти к ней через 2-3 часа, чтобы узнать о результатах ее хлопот. Но когда я к ней явился, то оказалось, что и она ничего не смогла сделать и, таким образом, у меня пропала последняя надежда попасть в театр на концерт хора.

Бродя по городу и обдумывая, что еще предпринять, чтобы все же попасть на концерт, уже под вечер вторично повстречал регента Алексея Федоровича Попова. Оказалось, что он все же через какого-то спекулянта, по дорогой цене, достал входной билет на концерт и, таким образом, я все же попал в помещение театра.

Когда я пришел в театр, то зал оказался уже переполнен, и я со своим входным билетом еле-еле втиснулся в самом конце зала. Все первое отделение простоял, сильно стиснутым между другими посетителями, так что и пошевелиться было трудно. Никогда я еще не видел такого переполнения театра: все решительно было занято публикой, все помещения для оркестра, перед сценой, а галерея прямо ломилась от публики.

Первое отделение все пришлось простоять, а в антракте встретил двух певцов архиерейского хора, которые предложили мне сесть с ними в партере. Так как никто из нас не был особенно толстым, то мы втроем кое-как поместились на двух сидячих местах.

Первое отделение концерта состояло из духовных произведений, а второе было светского характера. Должен сознаться, что более спевшегося, сильного по составу голосов и более тонкого по художественному исполнению мужского хора я до сих пор не слышал и, наверное, не услышу никогда. Это был хороший и очень тонко и хорошо настроенный инструмент-орган. Великолепные, круглые и полные могучие басы и беспредельно высокие нежные тенора, в особенности, 1-е, а солисты хора – настоящие артисты. Замечательно красиво

в первом отделении и очень убедительно провели они «Верую» композитора Гречанинова – соло тенор<ов> с хором. Соло пел очень хороший тенор. Во втором отделении незабываемо звучали «Серенада» Абта и «Эй, ухнем». Певцов всего 36 человек, но какую звучность, какую силу развивает хор, не делая при этом никаких выкриков и не форсируя звуков.

«Эй, ухнем» начинали они с пиано-пианиссимо, казалось, слышен был бы даже полет мухи. А затем постепенно, почти незаметно переходили на форте-фортиссимо. Вот уже казалось – все: больше не дадут звучности. А глядишь и поражаешься – звучность все нарастает и нарастает. Весь зал гремит. А они все еще дают. Кажется, стены развалятся, и все это без крика, а потом постепенно, чуть заметно, переходят на пиано-пианиссимо и заканчивают чуть слышно, так что кажется, это не 36 человек хора поют на сцене, а где-то далеко-далеко в большом отделении слышится только эхо. Замечательная певучесть хора, никаких лишних пауз и передыханий хора нельзя заметить. Публика прямо неистовствовала: после каждого номера следовал оглушительный гром аплодисментов. Если посмотреть по сторонам или оглянуться назад, то увидишь, что у всех глаза горят, кто плачет, кто радостно смеется, лица у всех восторженные, красные, и все кричат «Бис-бис...».

Дирижер хора Сергей Жаров – очень маленького роста и весьма тщедушный человек, но сколько в нем энергии и сил. Приходится удивляться. Видно, что он, дирижируя хором, весь живет, и каждый мускул в нем играет. Очень точны и энергичны все его движения. Одеты все певцы и сам Сергей Жаров были одинаково: черные суконные рубахи с кушаком, черные брюки-галифе, высокие сапоги, но конечно, без погон. В антракте я направился за кулисы, где познакомился с Жаровым и многими

Хор Донских казаков в Риге. По завершении утренней литургии с участием хора в Христорождественском соборе архиепископ Иоанн благосляет хор иконой Божией Матери. В центре – архиепископ Иоанн (Поммер), с иконой в руках – руководитель хора С. Жаров. Слева от архиепископа Иоанна – неизвестный церковнослужитель, далее – настоятель Христорождественского собора митрофорный протоиерей Кирилл Зайц; справа от архиепископа - неизвестный церковнослужитель, далее – настоятель Печерского монастыря епископ Иоанн (Булин; в митре), правее – протоиерей Иоанн Янсон (в очках), следом за тремя неизвестными – диакон Христорождественского собора Константин Дорин (с бородой и усами); перед К.Зайцем – иподиакон Александр Клявиныш (1914 г.р.). 5 февраля 1928. Фото из собрания О. Н. Клявини

певцами. Там же оказались многие знакомые рижане, даже кое-кто из духовенства и, между прочим, приехавший из Печор (Эстония) епископ Иоанн³⁹. Между прочим, в разговоре с Жаровым, я его спросил, не собираются ли они посетить с концертом также наш город Двинск, но оказалось, что после концерта они ночным поездом уезжают в Германию, так как на другой день вечером у них уже объявлен концерт в городе Кенигсберге.

После второго отделения публика долго не отпускала хор, все заставляли его петь на «бис», пока наконец в зале не стали тушить огни. Очень долго публика ждала выхода из театра Жарова, но, как потом говорили очевидцы, когда Жаров вышел с черного хода и хотел удрать, вскочив в такси, то публика

заметила его бегство, бросилась к такси и со всем автомобилем качала его на «ура». Да, это был редкий хор, прекрасный хор, и слушать его доставляло истинное художественное наслаждение. Недаром, объездив всю Европу, Азию, Америку, Австралию и Африку – весь мир, везде, во всех странах он пользовался неизменным успехом. Очень я сожалел, что почему-то тогда не поехала со мной в Ригу Шура Т <рубеская>, а словами всего не перескажешь. Это нужно самому пережить. Позднее, в Двинской городской библиотеке мне попала книжка самого Жарова, в которой он замечательно описал всю историю своего хора, о том, как хор организовался, как они готовились к концертам, сколько труда и энергии вложили в свое любимое дело и как достигали

колоссальных успехов. Очень занимательная книга, и, несмотря на то, что довольно объемистая она была, мы с увлечением прочитали ее за одну ночь. Не знаю дальнейшую судьбу этого славного хора, но как-то в одной газете прочел я заметку о том, что они где-то в Германии ехали автобусом и по дороге потерпели катастрофу, причем 18 человек было тяжело раненых.

Еще раньше, но точно не помню в каком году, находясь в Риге, попал я случайно на духовный концерт, который устраивал певец Александр Федорович Янковский в Троице-Задвинской церкви, и которым он сам управлял. Своего постоянного хора у него не было, но он собрал любителей пения из разных хоров Риги, подготовил их и дал свой концерт. Это был один из лучших местных духовных концертов, какие тогда бывали в Риге.

Хор был смешанный в 40 человек лучших голосов. Мне этот концерт очень понравился, и я был доволен посещением концерта. После этого, помню, Александр Федорович некоторое время управлял хором, составленным Лишиной-Бочаговой⁴⁰ в Александро-Невской церкви. Мне тоже раз пришлось петь панихиду с этим хором в Рижской Покровской церкви и, хотя хором управлял тогда Александр Федорович, мне пение панихиды очень не понравилось – слишком непривычно было исполнение панихиды на полной и даже чересчур полной звучности хора, а я привык петь в хоре Архангельского на пианиссимо, что, по-моему, более соответствует панихиде. Встретившись после панихиды с Александром Федоровичем и беседуя с ним, я, между прочим, спросил его, чем объясняется такое исполнение, в каком проводилась панихида, на что он мне ответил, что это было требование «самой» Лишиной-Бочаговой, которая всегда вмешивается в управление хора и что ему страшно трудно, почти невозможно работать с этим хором.

Тут же Янковский спросил меня, и я дал свое согласие на участие в панихиде в день памяти композитора П. И. Чайковского. В этот день он собирался полностью петь панихиду композиции А. А. Архангельского. Но из этого ничего не вышло, т.к., очевидно, из-за неладов с этой, с позволения сказать, «дамой», Янковскому пришлось бросить работу в хоре, а вскоре и весь хор развалился. Не поняла Лишина-Бочагова Янковского, который неизмеримо больше понимал в хоровом пении, и много видел и слышал, сам много лет пел и в Риге, и в Москве в Синодальном хоре, под управлением такого знаменитого хорового дирижера как Данилин⁴¹. Наконец, и по музыкальному образованию (окончил консерваторию) стоял намного выше ее.

После этого А. Ф. Янковский занимался преподаванием пения в школах, а также пел в радиодиске. Янковский – тенор лирического тембра, по консерватории – ученик, в свое время, очень хорошего, тоже лирического тенора, профессора Паула Сакса. Между прочим, он сам учился 7 лет в Италии.

Но судьба не сулила Янковскому долго петь. Не помню, в каком году, летом, он пел концерт в Дзинтари. Исполнив свою программу, пошел в артистическую уборную, внезапно упал и умер от разрыва сердца всего в 45-46 лет от роду.

Был у Янковского еще один план: дать по радио, а также напеть на память с хором бывших семинаристов (бывший мужской хор «Перконс»). Этот хор просуществовал более ⁵⁰ лет и в свое время пользовался некоторой известностью и за пределами Латвии. За время его существования регентами его были знакомые мне лица, как И. П. Михельсон, П. Грузна⁴², Милгравис. Управлял им одно время А. Ф. Янковский. Последнее время этот мужской хор уже с концертами не выступал, а находился в стадии своего распада.

Янковский задумал его вновь собрать, подготовиться и дать концерт, как бы прощальный и кое-что из исполненных произведений на память записать на патефонные пластинки. Я, хотя и не был постоянным участником хора, но многих певцов знал лично. Когда Петр Иванович Берзинь как-то ездил в Ригу и встретился с Янковским, последний предлагал ему, а через него и мне, принять участие в этом концерте, обещал прислать нам ноты и сообщить заранее, когда будут репетиции и самый концерт, чтобы мы могли приехать в Ригу. Но преждевременная смерть Янковского не дала возможности осуществиться его плану. Умер он в самом расцвете своего таланта – прекрасный регент, хороший певец и организатор. Такова судьба человека! Не знаешь, что тебя ждет в ближайшем будущем!

В Двинске я продолжал петь в хоре у Котовского, а также в хоре Латышского певческого общества, но в последнем стал реже бывать, так как стало как-то «скучно» и ничего выдающегося не предвиделось, а когда хором стал управлять преподаватель народной консерватории Фейл⁴³, я совсем ушел из хора, т.к. Фейл оказался скучнейшим «метрономом», только отбивающим такт. Чем-либо заинтересовать певцов, а тем более увлечь их исполнением он совершенно был неспособен, и получилось наискучнейшее «казенное» пение.

Вскоре и само певческое общество ликвидировалось, а часть хора перешла к Латышскому национальному обществу, где управлял хором тот же Фейл.

С Шурой Трубецкой я продолжал встречаться каждый день, если не на спектаклях или службах, то часто заходил к ней, и так к ней привязался, что ни мог без нее уже обойтись и она стала мне необходима как воздух... Бывал я также несколько раз у них в Михалове. Все это, конечно, не могло ускользнуть от внимания моей жены, и поэтому дома были постоянные ссоры и всякие

недоразумения, а когда жена получила от какого-то «услужливого друга» анонимное письмо, в котором описывались мои частые посещения Шуры Тр<убецкой>, то жизнь дома для меня стала невыносимой. Но было ясно, что я крепко, крепко полюбил Шуру и она меня тоже любит. Далее такое положение продолжаться не могло, это стало очевидно для нас троих. Обсудив положение с женой, мы пришли к заключению, что нам надо расстаться и по обоюдному согласию просить суд о разводе нашего брака. В июне 1930 года состоялся развод, причем, я обязался платить бывшей жене и сыну алименты; и в том же 1930 г. 10 августа в Михалове состоялось наше с Шурой венчание. Таким образом, женой моей стала Шура Тр<убецкая>, а бывшая жена еще до развода переселилась с сыном в Ригу. Я был счастлив и во время венчания сам пел с хором «Отче наш» (пел составивший из знакомых мужской хор под управлением И. К. Котовского). Другого такого случая, когда жених поет – я не знаю и не слышал. Вряд ли придется петь во время похорон! Тут уж будет крышка!!! После свадьбы уже ничего не мешало нам всегда быть вместе и принимать участие в хоровых начинаниях и совместных поездках.

В период с 1930 по 1940 гг. приезжали в Двинск и два рижских мужских хора – хор Рижского просветительного общества под управлением Михаила Гривского⁴⁴, приблизительно в 40 человек и хор под управлением Германа Родионова⁴⁵, поменьше, человек 20-25. Какой из них был лучше, теперь сказать трудно, у каждого из них были свои достоинства и недостатки: хор Гривского был больше, но в хоре Родионова, пожалуй, были голоса получше, как, например, пел в хоре А. Вилюманис⁴⁶ (теперь народный артист СССР), Р. Вейде (теперь солист Латвийской филармонии), хороший бас Вояржинский⁴⁷, тенор Буцен и другие. Но, с другой стороны, хор Гривского, пожалуй,

Свадьба Владимира Михайловича Антипова и Марии Никаноровны Трубецкой. Первый ряд (слева направо): диакон Иоанн Трубецкой, диакон Василий Рушанов, неизвестный, протоиерей Феофан Борисович, протоиерей Иоанн Янсон, о. Никанор Трубецкой, о. Димитрий Захаров, неизвестный, Александра Грундуле (ур.Трубецкая). Второй ряд: матушка Милица Трубецкая, диакон Владимир Ефимов, Евфросиния Трубецкая, матушка Александра Ивановна Трубецкая, Михаил Михайлович Антипов (с усами), матушка Ольга Михайловна Янсон с сыном, матушка Мария (жена Феофана Борисовича), Михаил Трубецкой, Феодосия Ивановна Кусочек (сестра А. И. Трубецкой) Б. Грундулис. Третий ряд: первый слева – Павел Трубецкой (в белой рубашке с поясом), по центру – новобрачные, справа у крайнего столба – Екатерина Трубецкая (в замужестве – Целмс; в кофточке в цветочек), за нею ее муж – Жан Целмс. Село Михалово. Июнь 1934 г.

звучал полнее по числу голосов и участию в хоре октависта [А. А.] Амосова (из архиерейского хора). Как Гривский, так и Родионов, оба хорошие регенты, оба хорошо понимающие хоровое пение, а Родионов у тому же окончил Московское Синодальное училище. Октавист Амосов был неплохой бас, но с очень большим самомнением, а на нижних нотах у него заметны были горловые звуки. Оба пели хорошо, но конечно, далеко и далеко им было до спетости и мощности и исполнения такого хора, как хор Сергея Жарова.

Приезжал в Двинск из Риги и латышский смешанный хор под управлением Озолина, но этот хор с преобладанием женских

голосов ничего из себя не представлял в хоровом отношении, а потому о нем мне нечего писать. Бывал у нас в Двинске и рижский мужской квартет в составе: 1-ый тенор – В. Неплюев⁴⁸, 2-ой тенор – Л. Гривский⁴⁹, 1-ый бас – П. Торский и 2-ой бас Разуваев⁵⁰ (теперь Заслуженный артист в хоре филармонии). Пели они очень прилично, всегда пользовались большим успехом у публики, но далеко, конечно, их исполнение от всемирно известного квартета Кедровых, хотя и они побывали с концертами кое-где за границей. Но зато и пьянствовали они слишком немилосердно, так что баритон П. П. Торский, не выдержав такой жизни, через некоторое время из квартета

выступил и его заменил некто [Петр] Воронков, которого я совсем не знал. Помню, как однажды, когда я устраивал в Двинске музыкально-вокальный благотворительный концерт, в котором по уговору должен был принять участие и квартет под управлением Л. Гривского, перед самым концертом приехал из Риги профессор-тенор П. Сакс и привез мне письмо от Гривского, в котором он извинялся и сообщал, что по случаю болезни баса Разуваева квартет приехать не может. Понимать это письмо, конечно, мне пришлось иначе, причина, очевидно, была не болезнь Разуваева или кого-либо из участников квартета, а просто пьянство, которое впоследствии и загубило В. Неплюева и Л. Гривского, которые окончательно запили и в скором времени, будучи еще молодыми, умерли. На концерте пришлось мне спешно, что называется, на ходу, изменить программу и заменить квартет выступлением пианиста и духового оркестра, который оказался тут же, т.к. был приглашен для следующих за концертом танцами. Больше я квартет Гривского, конечно, никогда не приглашал. В настоящее время из участников квартета жив только Разуваев, так как сравнительно недавно умер и П. П. Торский.

Вспоминается мне еще один концерт, на который я пригласил теперешнего народного артиста – баритона Александра Вилюманиса и колоратурное сопрано, теперь тоже народную артистку Эльвиру Пакуль⁵¹, которая в то время имела еще хороший голос. Но каково было мое удивление, когда Пакуль на мое письмо, в котором я просил ее программу спеть, ввиду смешанного состава публики, наполовину по-латышски, наполовину по-русски, письмом же ответила мне, что на русском языке она отказывается что-либо петь. Конечно, и мне пришлось отказаться от ее участия в концерте и пригласил я тогда сопрано (теперь народную артистку) – Веру Ивановну Крампс⁵²,

которая охотно согласилась принять участие в концерте, а также артиста Русской драмы, хорошего рассказчика Всеволода Орлова⁵³. Но какова эта Пакуль! Тогда не могла петь по-русски, а теперь вдруг поет по-русски и даже по радио, хотя голос ее по моему, совсем пропал и ей давно пора прекратить свои выступления. Слышал я несколько лет назад ее выступление на концерте здесь, в Кулдиге и должен признать, что кроме легких народных латышских песенок, она ничего петь не может.

Довольно часто ездил я в Ригу и всегда посещал и пел в соборе в архиерейском хоре, которым после смерти регента Михельсона одно время управляла одна из его дочерей, а затем Герман Родионов. Как он, так и певцы хора всегда меня дружески встречали и просили их не забывать.

Однажды летом, когда мы с Шурой направлялись в отпуск в Салацгриву и на несколько дней остановились в Риге, меня пригласил Филимон Ратниекс⁵⁴ принять участие в составленном им мужском хоре человек 18-20 для поездки с концертами тоже в Салацгриву и Айнажи. Меня это вполне устраивало, и после 2-3 репетиций мы на грузовой машине отправились в Салацгриву. Поездка была очень веселая и даже интересная. В один день успели в двух местах дать 3 концерта. В Салацгриве дали днем духовный концерт, а вечером светский на латышском языке, в котором я не участвовал, а в промежутке съездили на машине в Айнажи (14 км.) и там дали духовный концерт. Состав хора был хороший, и концерты прошли очень прилично, после чего хор вернулся в Ригу, а мы с Шурой остались проводить мой отпуск в Салацгриве.

Вернувшись с окончанием отпуска в Двинск, мы с Шурой продолжали петь в хоре Котовского, а иногда участвовали и в других хорах с регентами Клемешовым⁵⁵ и Яковлевым. Оба они были регенты очень

слабые и малоразвитые, в особенности, первый из них – ни знания, ни опыта дирижирования, ни даже музыкального слуха не имели. Так, как-то раз вздумал Клемешовпеть «Херувимскую» из заупокойной обедни, композитора А. А. Архангельского и испортил ее до неузнаваемости. «Херувимская» эта написана с большим чувством, проникнута глубокой скорбью, печалью и требует очень тонкого и серьезного исполнения, начинаясь с «pp» и нигде не переходя на «ff». У Клемешова же она получилась сплошным грубым и резким криком, так что я не выдержал и в местной газете поместил небольшую критическую статью вообще об исполнении хора Клемешова и об исполнении этой «Херувимской», в частности, указав на эти грубые недостатки исполнения и, между прочим, выразился, что хор Клемешова, совершенно исказив замысел автора, не спел «Херувимскую», а просто прокричал ее. В ответ на мою статью Клемешов тоже написал совершенно необоснованное и неубедительное «опровержение», в котором главным образом оправдывался различными вкусами у разных людей. Такое грубое и совершенно произвольное толкование замысла автора лишний раз показало только, что Клемешов не понимал характера исполненной им композиции, что доказывало его

некультурность и малограмотность в хоровом пении. После этого мы долгое время с Клемешовым даже не разговаривали, и я больше не показывался в его хоре. А до этого случая мне много приходилось с ним беседовать и указывать на многие недостатки его хорового пения, на его грубые ошибки и неправильное толкование того или иного песнопения, но на него почти ничто не действовало или, вернее, он просто многого, по своей музыкальной некультурности, просто не понимал. Так, например, у него в пении никогда не получалось пиано, все почти пелось полным голосом или же получался сплошной крик, а о каких-нибудь нюансах, конечно, и говорить не приходилось.

Немногим лучше был и другой регент – Николай Яковлев, с которым мне тоже приходилось иногда петь. Этот, пожалуй, понимал в пении больше и как-то на него больше можно было воздействовать.

Совершенно иного характера был Николай Гаубштейн – простой рабочий Двинских железнодорожных мастерских. Пел он партию баса в хоре И. Котовского и ничем особенным не выделялся. Но зато он часто прислушивался к разговорам моим с И. Котовским, часто я ему тоже рассказывал о московских хорах, о знаменитых дирижерах, певцах, и ему самому захотелось попробовать управлять хором. Музыкального образования у него, конечно, никакого не было, да и вообще образования было небольшое, но он зорко следил за управлением Котовского, немного поучился у него, как нужно управлять хором. Видимо было, что хоровое пение его очень заинтересовало. Через некоторое время он собрал мужской светский хор человек 25 и вскоре стал выступать с концертами. Всегда он приглашал меня посетить его концерты и всегда очень ждал, когда я выскажу ему свое мнение, с которым он, видимо, очень считался. И, действительно, приходится сознаться, что действительность превзошла

все мои ожидания. Ведь действительно, чего можно было ждать от такого малоразвитого в музыкальном отношении человека, как Гаубштейн. Но к моему удивлению, он сравнительно многого достиг, видно было, что много труда и энергии он вложил в дело. Между прочим, у него в хоре чисто и довольно хорошо звучало иногда «пиано-пианиссимо», а те вещи, где хор поет с закрытым ртом, звучали очень прилично. В исполнении чувствовалось, что у него имеются некоторые способности управлять хором, а, главное, сильная любовь и горячее желание к хоровому пению, но нет еще необходимых знаний и опыта. В своих суждениях об его исполнении я всегда был очень сдержан, так как знаю, что большие похвалы часто приносят не пользу дела, а развивают так называемое зазнайство и большое самомнение. Похвалив его, я все же каждый раз указывал ему на недостатки исполнения и всегда советовал ему работать и работать. Это было довольно светлое явление в нашей провинциальной жизни. Хор Гаубштейна пользовался некоторым успехом и у местной публики, но все же у него нашлись, главным образом из зависти, а скорее, по своей глупости, и некоторые недоброжелатели, главным образом, среди местных русских регентов и певцов, которые очень скептически относились ко всему его делу, всячески его критиковали и подсмеивались над ним. Еще бы, как это такой выскочка, тщедушный невзрачный человек с косым глазом, малообразованный рабочий, мог создать мужской хор, а они этого сделать не могли?! Никогда, ни на одном концерте этого хора никто из них, кроме регента Котовского, не бывал, что объясняется, по-моему, тем, что они и не интересовались никогда хорошим пением, но брались судить и рядить других с заранее предвзятым мнением: что, мол, может показать им такой регент, как Николай Гаубштейн! Отчасти благодаря всему этому, а

может быть, и сам Гаубштейн был виноват в том, что не сумел заинтересовать своих певцов и внушить им любовь к пению как человек малоопытный в этих делах, но, действительно, хор просуществовал года два и распался. Да, это, можно сказать, общее явление провинции – ничто долго не держится.

В хоре Котовского мы с Шурой продолжали петь по-прежнему. Чтобы поддерживать дух хорового коллектива и немного разнообразить жизнь его, иногда удавалось, кроме концертов в городе, устраивать поездки в провинцию, чему певцы всегда были весьма довольны, так как, по-видимому, это доставляло им удовольствие. Так мы ездили с духовными и светскими концертами в Краславу, Корсовку и Михалово. Нельзя сказать, что мы хорошо пели, но концерты в провинции всегда проходили с успехом, и публика оставалась довольна ими. Вспоминается мне еще одна поездка летом в Кульнево (Илзескалнс, где находится храм-усыпальница генерал-майора Я. П. Кульнева), бывш<ее> Абренского уезда.

Кульнево (Илзескалнс). На заднем плане – участники Дней русской культуры. 1930 г.

Ездили мы с семьей Трубецких из Михалово на какой-то праздник, кажется, на Ильин день. Задумали там пропеть обедню своими силами. Кроме нас с Шурой, пели Шурины три сестры и два брата. Кроме того, пел какой-то казак-тенор из кубанских казаков. Подошла к нам петь и бывшая

артистка Мариинской оперы – Тихонова, но она вскоре отстала от нашего хора, наверное, решила, что ее голос не подходит к нашему «ансамблю» или не знала того, что мы пели. Она все стояла около нас, присматривалась и прислушивалась. А у нас получалось довольно хорошо и стройно. Управлял этим хором из 8 человек старший брат Шуры – Николай. После обедни, при выходе из церкви, Тихонова подошла сама ко мне и стала говорить о том, что мы очень хорошо пели, что у меня великолепный голос и выразила удивление моему дыханию и даже сказала: «Как Вы славно своим дыханием и голосом держали весь хор, и как это было красиво и солидно». Мы с Шурой куда-то спешили, а потому скоро попрощались с ней, поблагодарив ее за приглашение посетить ее в ее усадьбе, и пошли по своим делам.

Дома у себя мы купили хороший большой радиоприемник и часто слушали передаваемые из Москвы оперы из Большого театра и разные концерты.

Слушали часто из болгарского Софийского собора обедни, которые пел очень большой хороший мужской хор. Пел он прекрасно, голоса были великолепные, и всегда было приятно послушать такое прекрасное исполнение. Слушали мы передачи из других стран, как, например, из Финляндии, Эстонии, Германии, Югославии, Румынии и других. Слышали и из Парижа митрополичий хор под управлением Афонского⁵⁶, но должно признать, что особого впечатления он на нас не производил.

Сами мы продолжали петь в хоре Котовского, а я, кроме того, иногда принимал участие, как и раньше, в Латышском мужском двойном квартете, выступая на некоторых благотворительных концертах, но эти квартеты меня совершенно не удовлетворяли, так как хороших голосов среди участников квартета не было и пели, скажу откровенно, очень неважно и как-нибудь,

лишь бы что-нибудь спеть и тем заполнить программу.

Ездили мы с Шурой как-то в Кокнесе на похороны архиепископа Якова⁵⁷, где пели обедню в составе местного латышского хора, а затем мне пришлось в составе рижского соборного квартета петь и отпевание. Пение самое простое без всякого подъема и воодушевления!

Протоиерей Иаков Карп. Ноябрь 1936 г. Рига

Помню, что раз мы из Двинска выезжали в составе 6 человек, во главе с И. Котовским в г. Якобпилс на пополнение местного небольшого хора, где пели архиерейские службы. Но все это было уже не то, к чему я привык и что когда-то переживал! Три лета по месяцу проводили мы с Шурой в Кемери, где всегда пели в местной церкви. Там часто мы слушали симфонические концерты. Вспоминаются мне гастрольные концерты Варшавского дирижера, профессора Бердяева. Какой прекрасный дирижер! Попал я раз к нему на репетицию оркестра и так увлекся его дирижированием, что просидел, слушая его, до самого конца репетиции,

и даже уходить не хотелось. Репетировал он, между прочим, «Шехерезаду» и делал оркестру удивительно тонкие и целесообразные указания, многие места заставлял оркестр повторять по несколько раз по его указаниям, добиваясь такого исполнения и звучания, какие находил нужным. Очень зорко следил он за каждым инструментом и часто указывал на сделанные ошибки и допущенные неточности в исполнении. Приятно было видеть его мастерство и чувствовалось его большое дарование. Видно было, что он работает с увлечением и оркестр его понимает и вполне подчиняется всем его указаниям.

На одном симфоническом концерте, на который Шура почему-то не пошла, выступал солист Чикагской оперы бас-баритон Серж Беннони (который все же оказался белорусом Сергеем, но фамилии теперь не помню). Это был великолепный, приятно-го тембра, с большим диапазоном и прекрасной дикцией большой голос. Пел он очень хорошо, и так он выступал и во 2-м отделении программы, то в антракте мне пришлось бежать домой за Шурой, ибо мне хотелось, чтобы и она послушала выдающегося певца. Она сейчас же пришла со мной и была довольна, что ей удалось услышать такого певца.

В то же время я, не прерывая связи с рижским архиерейским хором, часто посещал хор, бывая в Риге, и всегда в такие поездки в Ригу пел в соборе, а иногда и в Покровской церкви, а один раз устроил поездку архиерейского хора в Двинск, где хор дал духовный концерт из произведений Чайковского, Чеснокова, Архангельского и других композиторов. После концерта, по подписке среди знакомых и любителей пения, среди двинчан, был устроен хору в городском клубе ужин, за которым, между прочим, много пели и по-русски и по-латышски. Певцы хора были очень довольны этой поездкой в отдельном вагоне. На

концерте пели хорошо, и все остались очень довольны концертом. Я тот раз в концерте в хоре участия не принимал, так как был занят по устройству самого концерта и, кроме того, мне самому со стороны хотелось послушать концерт. Хор был сравнительно небольшой – человек 20-25, и управлял им И. П. Михельсон, состав хора был хороший, так в его составе, между прочим, был хороший бас, впоследствии солист Лиепайской оперы – Латышев⁵⁸, было одно прекрасное сопрано с колоссальным диапазоном (фамилию теперь не помню) и другие очень хорошие хоровые голоса, а октавист был Амосов. Публика была довольна концертом и многие благодарили меня за устройство столь приятного концерта.

Приходилось мне петь и на Взморье, в Дубултах и Дзинтари, а выезжая по делам службы в другие города Латвии, как Балви, Абрене, Лудза, Резекне, я всегда заходил там в церкви, чтобы попеть. Все это, конечно, маленькие провинциальные хорки и особого интереса собой не представляли, но я ходил петь, потому что чувствовал какую-то потребность в пении и не мог обходиться без него. Из всех этих хориков наибольший (человек 20) был в Абрене и пел лучше других подобных хоров (управлял им некто Николаев). А вот в Балвах встретил своего старого знакомого еще по Александровской гимназии Альфонса Мишке⁵⁹, который там управлял православным церковным хором, хотя сам был лютеранином, и характер и особенности православного церковного пения, конечно, были ему малоизвестны. Но Мишке был очень музыкальным человеком – он, кроме Юридического факультета Московского университета, окончил и Московскую консерваторию по классу рояля и был прекрасным пианистом. Еще будучи в гимназии учеником, он проявлял большие музыкальные способности и часто выступал на концертах, пользовался большим успехом у слушателей. Но беда его

состояла в том, что очень рано, еще в гимназические годы стал сильно пьянствовать и в конце концов совсем спился. Что его влекло управлять церковным хором и много ли мог заработать – не знаю, наверно, какие-нибудь гроши, да и те, кажется, пропивал. А жаль, с его образованием и музыкальными способностями мог бы лучше устроиться. Одно время он занимал даже должность по судебному ведомству, но, совершив служебное преступление, попал в тюрьму, а выйдя из нее, совсем спился. Во время немецкой оккупации, когда я работал в психиатрической больнице счетоводом, Мишке привезли

в больницу в белой горячке и на него была надета смирительная рубашка. Так много талантов погибает из-за ужасного пьянства!

Три раза мне приходилось участвовать в традиционных латышских так называемых Праздниках песни: два раза в Двинске и один раз в Риге. Первый раз в Двинске в Праздник песни, кроме общего латышского хора, отдельно выступали и хоры национальных меньшинств: русский объединенный (человек 60-65) под управлением Котовского, польский и еврейский. Из хоров меньшинств на первом месте по исполнению оказался русский хор. Латышский объединенный хор достигал 800-900 человек. Я участвовал и в латышском и русском хорах. Второй раз в Двинске я участвовал в латышском хоре (русского не было), достигавшем 1 500 человек, а третий раз в Риге в хоре до 8 000 человек. Управляли хорами лучшие латышские хоровые дирижеры – Рейтер, Теодор Калныньш и другие. Но я не люблю такие массовые хоровые выступления, так как нет никакого художественного

Хиротония притоиерея Адама Витолса во епископа Александра Ерсикского. Слева направо в первом ряду: неизвестный, епископ Иаков (Карп), митрополит Таллинский и всея Эстонии Александр (Паулус), митрополит Августин (Петерсон), архиепископ Карельский и всея Финляндии Герман (Аав), епископ Александр (Витолс; в мантии, с посохом), протоиерей Иоанн Янсон, за ним справа – протоиерей Василий Мельников. Даугавпилс, Борисо-Глебский собор. 17 июля 1938 г.

исполнения. Поет масса, причем, большинство в национальных костюмах. Эта пестрота может быть и производит на некоторых слушателей известное впечатление, но музыкального художественного удовольствия тут, по-моему, нет никакого. Я сторонник серьезного художественного хорового исполнения и потому такие массовые выступления меня мало интересуют.

Точно не помню, но, кажется, в 1938 году в Двинске происходила хиротония епископа Александра⁶⁰, к которой готовился объединенный хор под управлением Котовского. Хор образовался приблизительно человек в 60. Хор усиленно готовился к этому выступлению, так как на хиротонию ожидалось много народа и среди его много инославных, а также были гости из Эстонии и Финляндии. Первая половина обедни передавалась по радио. Хор подготовился довольно хорошо, и больших недостатков в исполнении хора не было. Наиболее удачно были исполнены «Херувимская» Музыка. Кое-что во время службы исполнял

детский хор Закревского⁶¹. Ребята пели очень стройно и с большим воодушевлением. Видно было, что они положили много трудов в подготовке к этому выступлению.

В 1940 году в Двинске организовался при Городском клубе так называемый «рабочий хор». Я и Петр Иванович Берзинь тоже стали петь в этом хоре. Хор был смешанный, и были в хоре некоторые очень хорошие голоса. На репетициях хором управляли два регента – Свенне⁶² и, вторым, как будто, был Скудра, а на концерт, который давали в большом зале «Виенибас нама», приехал из Риги дирижер Абрамис, который, проведя с нами 2-3 репетиции, сразу поставил хор на должную высоту. Всегда я был такого мнения, что очень много может сделать хороший опытный и любящий хоровое пение дирижер, а Абрамис, в этом отношении, был прямо прекрасен и с ним было приятно и легко петь. Концерт прошел очень хорошо. К сожалению, хор дал только один концерт, и с вступлением в город во время начавшейся войны немцев распался и перестал существовать.

Еще до немецкой оккупации, как будто весной 1941 года, гастролировал у нас в Двинске Краснознаменный Ансамбль имени Александра⁶³. По правде сказать, большого художественного впечатления он на меня не произвел – я ожидал гораздо большего. В хоре есть прекрасные голоса как солистов, так и певцов хора, но... сопровождение оркестра не дает возможности почувствовать всей тонкости хорового исполнения. Получается нередко впечатление, что не хор поет, а оркестр только аккомпанирует, а наоборот – хор подпевает оркестру. Не знаю, может быть, у меня получается такое впечатление, потому что я привык больше иметь дело с чисто хоровым исполнением без сопровождения, но мне всегда кажется, когда хор поет в сопровождении оркестра или рояля, что хор теряет свое действительное лицо, свою настоящую

звучность, и в таком ансамбле играет роль второстепенную. Когда хор поет в сопровождении оркестра, трудно уловить все тонкости исполнения хора, так как оркестр часто заглушает хор, в особенности, духовые инструменты. Правда, несколько номеров программы, как например, «Бандуру», хор спел без сопровождения оркестра и, по-моему, получилось совсем иное впечатление о хоре, как о вокальном коллективе, но все же, в общем, я ожидал от этого ансамбля гораздо большего.

Вообще, по-моему, в последнее время почему-то все меньше и меньше слышатся хоры без сопровождения; почти каждый хор выступает в сопровождении оркестра, либо рояля. Мне лично кажется, что и певцы таких хоров поют с меньшим интересом, чем в чистом хоровом коллективе, так как, когда хор сопровождает оркестр, то все недостатки и ошибки заглушаются оркестром и от певцов не требуется такого внимания и той точности исполнения, как в хоре «а капелла». Образцами такого чистого хорового исполнения являются Ленинградская Академическая капелла и Русский Государственный хор под управлением профессора Свешникова, да, пожалуй, еще украинская «Думка», хотя последнее время тоже стала слабее, чем была несколько лет тому назад.

Теперь мне не приходится слышать на эстраде хорошего вокального хорового исполнения; сюда к нам в Кулдигу такие не являются, за исключением Латвийского Академического хора филармонии, а потому приходится довольствоваться только радио, которое, конечно, никогда в точности не передает все тонкости хорового исполнения. Только один раз в 1950 году мы с Шурой, будучи в то время в Риге, попали на концерт Ленинградской Государственной капеллы. Ставили они тогда «Реквием» Верди. Хор прекрасный, до 100 человек, но пели, конечно, с оркестром, которым управлял дирижер Леонид Вигнер⁶⁴, а

Борисо Глебский собор в Даугавпилсе. Второй ряд справа налево 6 в ряду – Борис Грундулис, иерей Николай Жунда, епископ Александр Витолс, настоятель собора протоиерей Иоанн Крампис, диакон Симеон Варфоломеев, перед ним его дочь София. 1938-1939? гг.

хотелось бы послушать этот знаменитый хор без сопровождения оркестра. Правда, на другой день они давали концерт «а капелла», но мы не могли остаться в Риге и на другой день я слушал хор только по радио, а это уже не то, что на эстраде. Хор все же прекрасный и по своему составу и по исполнению. Сравнительно недавно как-то по радио удалось слышать исполнение Русским Государственным хором под управлением проф. Свешникова хоровые произведения композитора Танеева. Тоже великолепное и тонкое художественное исполнение, но, к сожалению, очень редко и редко можно по радио услышать подобные концерты. В большинстве своем все эти хоры выступают почти всегда в сопровождении либо оркестра, либо рояля, а это, по-моему, очень часто умаляет значение и достоинство хора. Это то же самое, когда аккомпаниатор по своему недомыслию или из каких-либо других побуждений глушит солиста-вокалиста, которому он только аккомпанирует.

Это случается довольно часто. Но однажды мне в Двинске пришлось слышать замечательного аккомпаниатора. Был какой-то концерт в крепости, на котором выступала солистка-певица Латвийской оперы. Певица довольно заурядная, но благодаря аккомпаниатору, певица, в общем, выигрывала. А аккомпанировал ей великолепный опытный пианист профессор Миклашевский⁶⁵. Так нежно, так тонко и чутко он аккомпанировал, что можно было заслушаться и удивляться его музыкальности. Лучшего аккомпаниатора я никогда не слышал. После концерта, встретившись с Миклашевским, в разговоре с ним я и прямо ему сказал, что аплодировал не певице, а ему – аккомпаниатору, на что он мне ответил: «Надо же было помочь певице». А ведь часто бывает так, что аккомпаниатор забывает свою роль и всю старается барабанить по клавишам, чем заглушает только солиста!

Ну вот, и мои воспоминания приходят к концу, как и сама жизнь моя! Было еще

много разных незначительных случаев в жизни моей, но об этом не стоит и писать. Скажу только, что в драматическом искусстве много я видел (уже после Москвы) различных замечательных артистов, как например: Качалова, Павлова, Греч, Михаила Чехова и многих других. Слышал также все латышские хоры и лучших вокальных артистов того времени, как Кактыня⁶⁶, Приеднека-Каварро⁶⁷ и других. Но все это в прошлом, а теперь уже не приходится почти никого ни видеть, ни слышать!

После посвящения в Двинске епископа, мы с Шурой из хора Котовского перешли в архиерейский хор, хотя он ничего выдающегося собою не представлял, но мы перешли потому, что надо было поддержать престиж хора архиерейского, а мы были все же неплохими певцами. Управлял хором молодой регент Иванов⁶⁸, но одно время, хотя и довольно короткое, регентом был из Риги Алексей Федорович Попов. Хор тогда был в совершенном распаде из-за отсутствия певцов. Во время немецкой оккупации все замерло и никаких выдающихся событий, достойных записи, в хоровой жизни уже не было.

Наконец, в мае 1944 г. мое учреждение, где я тогда работал, со всеми служащими и имуществом, было эвакуировано в Кулдигу, где мы и теперь еще живем. Но тут еще меньше было возможностей услышать что-либо интересное в искусстве или самим принимать участие в каких-либо начинаниях. Правда, мы оба и тут продолжали путь в духовном хоре, но, по правде сказать, никакого настоящего хора здесь не было, а были отдельные любители пения, если можно назвать таковыми несколько человек, которые приходили петь, когда кому вздумается – в большинстве люди уже старые и к тому же безголодые, бесслухие и без всяких знаний пения.

В довершение всего не было даже ни одного тенора, спевков почти не устраивали

70-летие Б. Грундулиса.
Сидят (слева направо): матушка Тихомирова, протоиерей Алексей Тихомиров, Борис и Александра Грундулисы, протоиерей Владимир Антипов, матушка Мария Антипова (ур. Трубецкая). Кулдига. 1959 г.

и пели все самое простое, обиходное. Регента настоящего тоже не было, а управляя этим, с позволения сказать хором, местный псаломщик Арсений Лелнор – человек старый, ничего хорошего не видевший и не слышавший, а потому ничем не интересующийся и ко всему безразличный. Хором, в настоящем смысле этого слова назвать этих любителей пения, конечно, нельзя, и, если бы мы втроем, т.е. Шура, ее сестра Домника и я не ходили петь, то совсем получился бы настоящий «хор братьев Зайцевых». Конечно, говорить о каком-либо художественном пении было бы даже смешно. А ходили мы петь потому, что привыкли к пению – ведь я, например, всю жизнь участвовал в каких-либо хорах. Но вот уже несколько лет Домника, по некоторым причинам, перестала ходить петь, а я в последнее время в связи со своими болезнями, совершенно потерял голос и с октября прошлого года тоже больше не пою. Только Шура изредка еще заходила попеть, но тоже уже потеряла голос. Как все это печально! Ничего больше не оставалось в жизни! Пришла старость со всеми своими болезнями и недомоганиями. Даже и работать стало очень трудно! Ведь мне уже 67 лет! Большая часть моей жизни связана с хоровым пением. Пропел в хоре больше 60 лет!

В гостях у Иоанна Трубецкого. Слева направо: протоиерей Владимир Антипов, братья Трубецкие: Николай, Иоанн, Михаил, Павел, Борис Грундулис. Огре, 1959 г.

А что сейчас осталось у меня? Разве что радиопередачи, чтение книг, да мои собственные воспоминания о былом времени, давно прошедшем и невозвратном! Читаю я, правда, очень много, в особенности люблю книги об искусстве, о театре и о жизни великих артистов, талантливых композиторов и художников. Читаю большею частью вслух для Шуры, которая бывает занята много шитьем и поэтому самой читать у нее нет времени. Хочется, чтобы и Шура поднялась до понимания великого и благородного значения искусства в жизни человека. И как будто в этом отношении мне много удалось сделать. Ведь когда мы с ней познакомились, Шура была еще провинциальной барышней, почти ничего в этой области не ведавшей и не слышавшей, а теперь уже во многом разбирается, как в музыке, так и пении много знает и понимает и ее, как говорят, голыми руками не возьмешь! Много я ей прочитал различных книг о жизни великих и замечательных людей искусства: о Фед. Ив. Шаляпине, об Ан. Вас. Неждановой, О. О. Садовской, К. С. Станиславском («Моя жизнь в искусстве»), о мастерах Московского Малого театра и его основателе – великом артисте Щепкине, книгу Локшина: «Выдающиеся русские хоры и их дирижеры», а также о великих ученых: Павлове, Менделееве, дневник композитора М. И. Глинки, о композиторах

П. И. Чайковском, Рахманинове, Танееве, Скрябине, о жизни и творчестве художников Левитана, Айвазовского и очень много-много других книг, как по вопросам искусства, так и литературы. Все это, конечно, должно способствовать развитию художественных чувств у человека. В этом отношении совесть моя удовлетворена, делал все возможное, хотелось бы еще большего, но что поделать, когда возможности наши в Кулдиге были очень ограничены. Разве я когда-либо думал, что жизнь моя будет кончаться в таком захолустье, как наше. Конечно, нет и еще раз нет!

Заканчивая свои воспоминания, я спрашиваю себя, не жалею ли я, что в молодости не последовал тем предложениям, которые мне в свое время делались в Москве? Должен, конечно, сознаться, что иногда кажется, что при моих задатках может быть и было бы лучше и из меня может быть и получился бы какой певец, во всяком случае, не сидел бы в такой трущобе, как теперь, но, с другой стороны, нельзя и знать, где бы вообще пришлось обретаться и как бы сложилась моя жизнь. Но как бы там ни было, на судьбу я не буду жаловаться – все же я в жизни много видел, много слышал, много поездил по России и побывал в различных городах. Так, например, никогда нельзя забыть 40-дневную поездку на пароходе по Москве-реке, Оке и Волге, затем поездку в Финляндию и т.д. Но обо всем этом писать не буду. Хватит и того, что уже написал, а это было главное для меня! Как мне хотелось бы и Шуре показать все то, что я в свое время видел и слышал, но теперь... к сожалению, все это невозможно... Остались только мои личные впечатления и воспоминания.

Мне бы хотелось еще раз мысленно пережить и вспомнить, а также записать то чарующее впечатление, какое на меня в то далекое время произвела Пасхальная ночь в Москве. Попробую это сделать, так как

Борис и Александра
Грундулисы.
Кулдига. 1970-е г.

в памяти это сохранилось так отчетливо, как будто это происходило совсем недавно.

Как я уже упоминал в своих записках, я впервые приехал в Москву в сентябре месяце 1909 года, когда поступил студентом Московского университета. Так как мне надо было подрабатывать, чтобы жить в Москву и учиться в университете, то я вскоре по приезде в Москву поступил также в церковный хор братьев Котовых, хор которых обслуживал две церкви. Я пел в хоре церкви Иоанна Предтечи, что на Новинском бульваре. Хор этот ничего интересного в художественном отношении не представлял, был небольшим, человек 18-20, состав часто менялся, одни певцы уходили, другие вновь поступали. Сами братья Котовы тоже были в музыкальном отношении почти профаны, но зато певцов хора эксплуатировали ужасно, платили им гроши, а некоторым и совсем не платили. На этой почве в хоре были постоянные недоразумения и скандалы. Мне вначале тоже что-то очень мало платили, а потом стали платить по 1 рублю за службу. Я в то время был очень скромным стеснительным молодым человеком, но каковы порядки в московских хорах [не знал], не знал ни певцов, ни регентов, но все же меня сильно возмущали действия наших «хозяев», и я постоянно ворчал и грозил, что уйду из хора. Котов меня постоянно успокаивал, обещаясь в скором времени прибавить мне зарплату. Но всему бывает предел, так и моему терпению пришел конец. Произошло это так. Когда Котов в Великий Четверг принял в хор какого-то

своего родственника из провинции, как он его представил певцам, и поставил его на хорах рядом со мной, то я окончательно убедился, что петь в этом хоре я никак не могу. Когда этот, с позволения сказать, певец запел, то я сразу понял, что это человек без голоса и без слуха и Котов его устроил в своем хоре исключительно для того, чтобы дать ему «заработок». Он изображал собою 2-го баса, с искусственно чисто горловой, резкой и крайне неприятной октавой – получался крайне отвратительный звук. Мы пели на хорах, и когда этот субъект старался изображать октаву, да еще с затяжкой на концах, то народ внизу оглядывался, подняв голову вверх. Получалось что-то отвратительное и противное. Я несколько раз указывал регенту Котову, но он не обращал внимания на это. После службы я окончательно разругался с Котовым, заявив ему, что я больше не пою в его хоре, и ушел от него. Несмотря на то, что после этого Котов три раза приходил ко мне на квартиру и сильно меня упрашивал не покидать его хор, обещал мне прибавку, я категорически отказывался вернуться к нему и, таким образом, это были первые Пасхальные службы, когда мне пришлось не петь в хоре. И только уже после Пасхи я поступил в хор А. П. Архангельского. Но свободные от пения дни я использовал на посещение московских церквей и имел возможность наблюдать, как Москва встречала Великий праздник Христова Воскресенья. Так, на другой же день, т.е. в Великую Пятницу, я отправился на вынос Плащаницы в церковь св. Пимена, что в Пименовском переулке, недалеко от того места, где я жил в то время. Там меня поразило прекрасное исполнение хором «Тебе Одеющегося» Турчанинова. Может быть, оно и не так уж прекрасно было исполнено, как мне тогда показалось, т.к. хор был небольшой, человек 18-20, но лучшего исполнения я до того времени еще не слышал, а потому оно мне

показалось прекрасным. Был я и в других церквях, но подробностей сейчас уже не помню, да и нет надобности об этом писать, хочу перейти к главному, что я пережил.

Уже всю Страстную неделю было в городе заметно, что приближается Великий Праздник: кроме Великопостного звона в различных частях города, заметно увеличилось и движение населения по городу как пешеходное, так и различного вида транспорта, все спешат, идут с покупателями, магазины переполнены покупателями. А в Великую Субботу движение на улицах и в магазинах достигло своего апогея, в особенности на Тверской улице, на Петровке, Кузнецком мосту и на других улицах. Перейти улицы даже было трудно. Весь день продолжалось это невероятное движение пешеходов, экипажей, машин и трамваев, в городе от гудков, звонков и покрикивания лихачей стоит невероятный шум, но к вечеру, после 6-7 часов вечера движение и шум постепенно начинает утихать, а после 9-ти часов, и в особенности после закрытия магазинов, и совсем прекращается всякое движение как пешеходов, так и всякого рода транспорта в городе. Устанавливается небывалая тишина, не слышно ни трамвайных звонков, ни гудков машин и весь город погружается в полумрак. Получилось такое впечатление, что настала глухая ночь, и весь город безмятежно спит. Но на деле оказалось совсем иное. Выйдя на Триумфальную-Садовую улицу, где я тогда жил, недалеко от Тверской (теперь ул. Горького), я направился к Тверской, которая ведет на Красную площадь и дальше в Кремль. В том же направлении к Тверской тоже шли и отдельные пешеходы и группы людей по тротуарам. И что же я увидел на Тверской улице? Оказывается, вся улица сплошь заполнена народом, не только тротуары, а и вся мостовая, причем вся эта сплошная масса народу движется вниз по Тверской, по направлению к Кремлю. Я был поражен невиданным зрелищем, этой

безмолвной массой народа. Никто не ведет, никто не командует этими толпами народа, ни распоряжается, а в тишине и полумраке народ сам идет и идет. Попал и я в гущу народа и сразу почувствовал, что назад уже не выбраться, если бы и захотел, хочешь не хочешь, а надо идти, куда идет весь народ. Так меня общим течением принесло на площадь перед колокольной Ивана Великого, но все же мне удалось перебраться поближе к железной ограде, за которой находились Кремлевские соборы. Тут на площади все молча стояли сплошной стеной в ожидании. А на колокольне Ивана Великого в это время четыре звонаря толстыми канатами полчаса раскачивали язык большого колокола в 4000 пудов. Говорят, что московские купцы – любители колокольного звона состязались друг с другом, суля звонарям за первый удар колокола деньги, причем, за то, чтобы первый удар колокола считался за тем или за другим каким-то купцом, давали начиная от 100 руб. до 1000. Это я слышал в Москве, а так ли было в действительности, не знаю. Вся площадь в безмолвной тишине застыла, нигде не слышно ни единого удара в колокол, ни гудка, ни звонка. Был тогда такой обычай, что до первого удара в колокол Ивана Великого никто не смел ударить раньше. Но вот и первый удар – земля задрожала под ногами и над Москвой полился густой, бархатный, очень низкий звук (ведь колокол 4000 пудов). За ним последовали отдельные удары колоколов разной высоты и в различных направлениях Москвы – это очевидно везде началась «Полунощница». Как красиво перекликаются различные по звуку колокола! Толпы народа стоят безмолвно. Но так продолжалось сравнительно недолго, видимо, до окончания «Полунощницы». Но вот и 12 часов ночи. Тут я был совершенно поражен, когда услышал впервые московский «малиновый трезвон» всех «сорока сороков»; начиная с Ивана Великого, заезвонили все московские церкви, стало

очень светло от ракет, бенгальских огней, а из Успенского собора показался крестный ход. Впереди Синодальный большой хор в малиновых бархатных контушах, за ними духовенство в светлых парчовых облачениях и молящиеся сплошной массой. Пение хора за трезвоном всех колоколов не было даже слышно. Трудно описать все то, что я пережил в эту ночь. Помню как сегодня, что сердце сильно билось, на глазах были слезы радости... земля дрожала под ногами... Какой звон, какая музыка, какая непередаваемая красота. Нет слов для выражения переживаемого момента!..

Ведь сколько колоколов по всей Москве одновременно пело хвалебную песнь Воскресению Христову – трудно себе представить! Говорят, что в Москве было тогда «сорок сороков» церквей, а ведь в каждой церкви не один только колокол. Так, я знал, что на колокольне Сретенского монастыря имелось 47 колоколов, а если взять все монастыри, все соборы и приходские церкви, то какое количество получается – это тысячи и тысячи получается. Одновременным трезвоном и заполняется вся Москва и ее окрестности – получается что-то

поражающее! Так как я находился сравнительно недалеко от ограды, то мне было довольно хорошо виден и Крестный ход. Туда, конечно, пробраться было невозможно, так как в Кремлевские соборы вход был доступен только для придворной знати и по билетам. После этого я почти всю ночь бродил по Москве и слушал звоны церковных колоколов. Где, в какой другой стране было возможно услышать такой величественный, такой мощный и незабываемый перезвон колоколов, какой мне удалось слышать в Москве в Пасхальную ночь? Конечно, никогда и нигде! Забыть этот Пасхальный звон Москвы невозможно, и до сих пор он слышится мне! Всю Пасхальную неделю, почти целые дни, с раннего утра и до позднего вечера раздавался перезвон колоколов, так как любителей потрезвонить всегда было много. Но одновременный трезвон всех церквей в Пасхальную ночь мне удалось слышать, вернее, переживать только раз в жизни в 1910 году, так как остальные Пасхи в студенческие годы я уже пел в хоре А. П. Архангельского.

На этом я заканчиваю свои воспоминания!

Примечания

- 1 Основатель квартета – Кедров Николай Николаевич (1871-1940, Франция) – оперный и камерный певец, церковный композитор, педагог.
- 2 Архангельский А. П. – регент церкви Пимена Великого (Москва).
- 3 Фатеев Василий Александрович (1868-1942) – выпускник Санкт-Петербургской консерватории, композитор, регент Казанского собора.
- 4 Матвеев Александр Матвеевич (псевдоним – Васильев; 1876-1961) – оперный певец.
- 5 Богословский Сергей Александрович (1882-1929) – учитель пения, автор церковных песнопений, помощник регента в хоре А. П. Архангельского, регент московского храма св. Троицы Живоначальной на Грязех.
- 6 Степанова Елена Андреевна (1891-1978) – оперная и камерная певица.
- 7 Нежданова Антонина Васильевна (1873-1950) – оперная певица, педагог.
- 8 Тихон, Патриарх Московский и всея Руси (1865-1925).
- 9 Чесноков Павел Григорьевич (1877-1944) – композитор, хоровой дирижер, педагог.
- 10 Петров Василий Родионович (1875-1937) – выдающийся русский певец-бас.
- 11 Попов Алексей Федорович – в начале 1920-х гг. регент рижского Христорождественского собора.
- 12 Микельсон Иван Андреевич (Mikelsons Jānis; 1871-1939) – выпускник Рижской Духовной семинарии, певец, композитор, руководитель хора б. рижских семинаристов «Перконс», долгие годы – регент архиерейского хора Латвийской Православной Церкви. О хоре «Перконс», созданного

- воспитанниками семинарии в основном для популяризации латышских народных песен, см.: Ш<алфеев> Б<орис>. 50-летний юбилей «Перкон-хора» // Сегодня. 1924. № 250. 02.11. С.8.
- 13 Розовский Соломон (1878, Рига-1962, США) – еврейский композитор, педагог, музыковед.
 - 14 Глаголев Владимир Григорьевич (1898, Калужская губ.-1970, Рига) – церковный композитор, регент. В начале 1920 гг. – регент Борисо-Глебского и Александро-Невского соборов (Даугавпилс). В 1925-1951 гг. – регент Всесвятской церкви, в 1959–1961 гг. – Христорождественского собора, в 1961–1970 гг. – Свято-Троицкого собора (все – Рига).
 - 15 Луговской Михаил Карпович (1873-1936). См. о нем: Кончина заслуженного педагога // Сегодня в Латгалии. 1936. № 25.
 - 16 Сакс Паулс (Saks Pauls; 1878-1966, Рига) – оперный и камерный певец, проф. Рижской консерватории.
 - 17 Витолс Язепс (Vītols Jāzeps; 1863-1948, Германия) – проф. Петербургской консерватории, композитор, критик, основатель, многолетний проф. и ректор Латвийской консерватории.
 - 18 Иоанн, архиепископ Рижский и всея Латвии (в миру Янис Поммер, Janis Pomeris; 1876-1934).
 - 19 Грундулис Михаил Карпович (Grundulis Mihails; 1890-1961, США) – выпускник рижской Николаевской гимназии и С.-Петербургского ун-та (юридический ф-т), судебный следователь в Валмиере и Риге; эмигрант.
 - 20 Грундулис Виктор Михайлович (Grundulis Viktors) – певец, выпускник Латвийской консерватории (1955 г.), солист Рижской филармонии, диктор Латвийского радио и телевидения.
 - 21 Антипов Гурий Владимирович (1935-1999) – певец, выпускник Латвийской консерватории (1967 г.), солист Латвийского театра оперы и балета (Латвийской Национальной оперы).
 - 22 Котовский Иван Федорович – многолетний регент даугавпилсского Александро-Невского собора.
 - 23 Карсавина Тамара Платоновна (1885-1978, Великобритания) – балерина Мариинского театра, в послереволюционные годы – в эмиграции.
 - 24 Собинов Леонид Витальевич (1872-14 октября 1934, Рига) – оперный певец.
 - 25 Барсова Валерия Васильевна (1892-1967) – оперная певица, педагог.
 - 26 Плевницкая Надежда Васильевна (1884-1940, Франция) – певица, исполнительница русских народных песен и романсов.
 - 27 Кошиц Нина Павловна (1892-1965, США) – оперная певица.
 - 28 Кубелик Ян (1880-1940, Прага) – чешский скрипач, композитор.
 - 29 Абрамис Абрам (1871-1941) – синагогальный кантор, основатель и дирижер еврейского ораториального хора с широким репертуаром.
 - 30 Рейтер Теодор (Reiter Teodor; 1884-1956, Швеция) – хоровой дирижер, главный дирижер Латвийской Национальной оперы.
 - 31 Янковский Александр Федорович (1894-1937, Рига) – выпускник Рижской Духовной семинарии, студент Московской консерватории, выпускник Латвийской консерватории, певец, дирижер.
 - 32 Семья Трубецких: Никанор Михайлович Трубецкой (1876-1959), протоиерей; Александра Ивановна Трубецкая (ур. Ерошкина; 1876-1946); Александра (1904-1975) учительница; Домника (1906-1985), учительница; Николай (1907-1978), протоиерей; Мария (1909-1997), регент; Иван (1911-1991), протоиерей; Екатерина (1912-1975), регент; Ефросиния (1914-1980), регент; Михаил (1917-1974), протодиакон; Павел (1919-1983), протодиакон.
 - 33 На осень 1928 г. Б.Грундулис в обществе (создано в конце 1927 г.) – заместитель председателя ревизионной комиссии, П.Берзиньш – секретарь той же комиссии. См. об этом: Daugavpils latvju dziedāšanas biedrība pēc vasaras brīvlaika atjaunojusi savu darbību // Latgales Ziņas. 1928. № 19. 19. okt. 3. lpp.
 - 34 Калниньш Теодорс (Kalniņš Teodors; 1890-1962) – хормейстер, хоровой дирижер.
 - 35 Климов Михаил Георгиевич (1881-1937) – хоровой дирижер, педагог.
 - 36 Жаров Сергей Алексеевич (1897-1985, США) – создатель и многолетний дирижер созданного в эмиграции хора донских казаков.
 - 37 Васильев Николай Иванович (1891-1961) – оперный певец, выпускник Петроградской консерватории, солист Латвийской Национальной оперы, режиссер, педагог.
 - 38 Телегина-Васильева Валентина Евгеньевна (1894-1963) – оперная певица, педагог.
 - 39 Иоанн, епископ Печерский (в миру Николай Александрович Булин; 1893- 1941) – выпускник Рижской Духовной семинарии; арестован НКВД в 1940 г., расстрелян.
 - 40 Лишина (Бочагова) Олимпиада Николаевна (1879-1961) – основательница и многолетний директор русской гимназии в Риге.
 - 41 Данилин Николай Михайлович (1878-1945) – хоровой дирижер, регент, в 1910-1918 – главный регент Синодального хора, педагог.

- 42 Грузна Павил (Gruzna Pāvils (1878-1950, Германия) – выпускник Рижской Духовной семинарии, писатель, певец, дирижер.
- 43 Фейл Альфред (Feils Alfreds; род. 1902-1942) – композитор, дирижер, органист.
- 44 Гривский Михаил Григорьевич (1878-1945) – выпускник Псковской Духовной семинарии, священник, регент, хоровой дирижер.
- 45 Родионов Герман Ефимович (1896-1959) – регент, хоровой дирижер (в т.ч. рижского мужского хора о-ва «Баян»), учитель пения.
- 46 Вилуманис Александр (Viļumanis Aleksandrs; 1910-1980) – певец, солист Латвийской Национальной оперы, педагог.
- 47 Вояржинский Б. (?-1940) – хорист митрополичьего хора и др. хоров.
- 48 Неплюев Владимир Владимирович (1908–1944 или 1945, Германия) – певец, участник квартета Л. Гривского.
- 49 Гривский Лев Михайлович (1909-1945, Германия) – певец, регент, дирижер и композитор, основатель квартета.
- 50 Разуваев, Игнатий Фёдорович (1893—1958) – певец, заслуженный артист Латвийской ССР.
- 51 Пакуль Эльфрида (Pakule Elfrīda; 1912-1991) – певица, народная артистка Латвийской ССР (1947).
- 52 Крампе Вера (Krampe Vera, 1907-1977) – дочь протоиерея Иоанна Крамписа (1872-1945); певица, солистка Лиепайского оперного и драматического театра, Латвийского театра оперы и балета.
- 53 Орлов Всеволод Андреевич (? – Чехословакия? 1944? 1945?) – чтец-декламатор.
- 54 Ратниекс Филимон (Ratnieks Filimons; 1903-1963) – выпускник Рижской Духовной семинарии (1928 г.), протоиерей.
- 55 Клемешов Владимир – регент даугавпилских храмов: Александро-Невского и Борисо-Глебского.
- 56 Афонский Николай Петрович (1892-1971, Франция) – регент хоров православных кафедральных соборов Парижа и Нью-Йорка, основатель парижского митрополичьего хора, хоровой дирижер.
- 57 Иаков (в миру Карп Яков, Karps Jēkabs; 1865-1943, Кокнесе) – протоиерей, учитель Закона Божьего; в 1936 был возведен в сан епископа Елгавского, в 1943 – архиепископа.
- 58 Латышев Петр (Петерис) – солист Латвийской Национальной оперы и Лиепайского оперного и драматического театра, участник православных духовных концертов.
- 59 Мишке Альфонс – выпускник Петербургской консерватории, музыкальный критик, дирижер.
- 60 Александр, епископ (в миру Витолс Адамс, Vitols Ādams; 1876-1942) – в 1906-1935 гг. – протоиерей, 16-17 июля 1938 г. в Даугавпилсе состоялось возведение его в сан епископа.
- 61 Закревский Николай (1881-?) – псаломщик в карсавском (г. Карсава) и даугавпилсских храмах, диакон даугавпилсской Успенской церкви, при которой им был создан большой детский хор.
- 62 Свенне Янис (Svenne Jānis, 1910-1943) – педагог, дирижер, легионер; погиб в боях на Восточном фронте.
- 63 Александров Александр Васильевич (1884-1946) – композитор, хоровой дирижер, педагог; в 1918-1922 гг. – регент храма Христа Спасителя (Москва), позднее – один из организаторов, начальник, художественный руководитель и главный дирижер Ансамбля красноармейской песни Центрального дома Красной Армии им. М. Фрунзе (Ансамбль песни и пляски Российской армии имени А. В. Александрова).
- 64 Вигнер Леонид (Vigners Leonīds) (1906-2001) – дирижер и композитор.
- 65 Миклашевский Николай Андреевич (1879-1933) – пианист, концертмейстер, педагог; с 1926 г. жил в Латвии.
- 66 Кактынь Адольф (Kaktiņš Ādolfs; 1885-1965, США) – оперный и драматический артист, солист Латвийской Национальной оперы, камерный певец.
- 67 Приедниекс-Каварра (Priednieks Artūrs Vilhelms; 1901-1979, США) – оперный и камерный певец, киноартист
- 68 Иванов Евгений (1910-?) – выпускник Рижской Духовной семинарии (1932), регент Борисо-Глебского собора (Даугавпилс), в послевоенные годы – священник в ФРГ (Федеративная республика Германия).

Публикация, предисловие к публикации и примечания
Димитрия Трубецкого и Бориса Равдина

Публикация документов

Последнее описание Рижской епархии: отчет о состоянии Рижской епархии за 1917 год

Предлагаемый читателю «Отчет о состоянии Рижской епархии за 1917-ый год» является единственным отчетом, написанным Духовной консисторией епископа Ревельского Платона (Кульбуша, 1869-1919, прославлен РПЦ в лике святых в 2000 г.).

С июля 1915 года управляющий Рижской епархией архиепископ Иоанн (Смирнов, 1844-1919) находился в эвакуации. Несмотря на это Владыка Иоанн несколько раз приезжал в епархию, однако эти приезды, в силу обстоятельств военного времени, были редкими, краткосрочными, в результате чего епархия фактически существовала без архиерейского управления. Попытаясь восстановить постоянное управление епархией, 8 августа 1917 года Рижское Епархиальное предсоборное собрание единогласно избрало благочинного эстонских приходов С.-Петербургской епархии, протоиерея Павла Кульбуша викарным епископом Ревельским. 20 ноября 1917 года архиепископ Иоанн (Смирнов) был назначен архиепископом Рязанским и Зарайским, т.е. Рижская епархия уже и фактически осталась без архиерейского управления. Попытаясь спасти ситуацию, депутаты Поместного Собора РПЦ от Рижской епархии 22 ноября

1917 года обратились к Патриарху Тихону с просьбой «назначить временноуправляющим Рижской епархией или вновь избранного общепархиальным съездом на кафедру Ревельского викарного епископа о. Павла Петровича Кульбуша или же Преосвященного Иоанна (Поммера), викарного епископа Тверской епархии, кои оба прекрасно знают местные условия жизни и владеют местными языками».¹

Патриарх благословил этот выбор. 24 декабря 1917 года о. Павел Кульбуш был пострижен в монашество с именем Платон и возведен в сан архимандрита. 31 декабря 1917 года Платон был хиротонисан в викарного епископа Ревельского.

Тем временем германские войска продолжали наступать в Прибалтике, а на не оккупированной немцами территории разворачивалась гражданская война. В этой связи было принято решение передать в руки викарного

Епископ Платон
(Кульбуш)

епископа Ревельского управление всей Рижской епархией. После этого Платон сразу же выехал в Ревель (Таллинн), а оттуда в Тарту. 14 января 1919 года в Тарту большевики зверски замучили епископа Платона (Кульбуша). Отчет о состоянии Рижской епархии за 1918 год не был написан, в свою очередь, уже в марте 1919 года собрание представителей эстонских приходов подняло вопрос об отделении приходов на территории Эстонии от Рижской епархии и образовании Эстонской Апостольской Православной Церкви. Представители латвийских приходов в феврале 1920 года приняли решение о создании Латвийской Православной Церкви. В результате перестала существовать такая административно-территориальная единица РПЦ как Рижская епархия. Таким образом, «Отчет о состоянии Рижской епархии за 1917 год» оказался последним епархиальным отчетом.

Документ написан на пишущей машинке. Судя по нечеткости оттиска, в руки публикатора попала копия оригинала. В тексте сравнительно много правок, сделанных чернилами. Кроме того, во многих местах вместо цифр стоят пробелы. Это и понятно. В 1918 году, когда составлялся данный отчет, территория Рижской епархии была перерезана линиями фронтов, контролировалась армиями нескольких стран, которые, как правило, ограничивали свободу передвижения. В результате, благочинные не располагали точной информацией о приходах, а Духовная консистория могла месяцами не получать никаких сведений об отдельных благочиниях. Судя по всему, публикуемый документ является одним из черновиков отчета.

Авторы документа взяли за образец отчет за 1914 год. Это неудивительно, ведь никто из членов консистории епископа Платона не работал в консистории под руководством

архиепископа Иоанна, поэтому практики составления подобных отчетов у них не было. Кроме того, нужно учитывать и то обстоятельство, что епископу Платону пришлось отчитываться за период, когда он сам не находился на территории епархии. Вероятно, все эти вышеперечисленные факторы повлияли на содержание отчета. Так, его авторы пишут о борьбе православного духовенства с влиянием лютеранских пасторов, католических ксендзов, баптистских и адвентистских проповедников, однако даже не упоминают о распространении среди местного населения марксистских идей. В антивоенной пропаганде обвиняются лишь неопротестанты, в свою очередь, самым «печальным явлением» современности авторы отчета считают падение нравственности среди женского населения как следствие постоянной дислокации на этой территории войск. В то время, когда в стране проходят шумные митинги и демонстрации, когда солдаты не слушают приказы своих командиров и изгоняют из армии священников, авторы отчета пишут о якобы росте благочестия народа, о подъеме в нем религиозных чувств, о росте авторитета православного духовенства среди местного населения, совершенно не замечая при этом падения в стране царского режима, Февральскую революцию и большевистский переворот². Возможно, что такую наивность или близорукость духовенства можно объяснить его отчуждением от реальной действительности, недооценкой значимости происходящих в то время событий?

В целом, «Отчет о состоянии Рижской епархии за 1917 год» – уникальный исторический источник, характеризующий настроения, господствовавшие среди православного духовенства в переломный период истории России, Эстонии и Латвии.

ОТЧЕТ

о состоянии Рижской епархии за 1917 год

I. УСТРОЙСТВО И СОСТОЯНИЕ УПРАВЛЕНИЯ

Рижская епархия, учрежденная в 1851 году,³ состоит из трех губерний: Лифляндской, Курляндской и Эстляндской. Отчетный год был шестьдесят шестым годом ее существования. В отчетном году произошли следующие перемены в епархиальном Управлении. За перемещением Рижского Архиепископа Иоанна,⁴ по указу Св. Синода от 20 ноября прошлого года за №9741 на Рязанскую Архиерейскую кафедру, временное управление Рижской епархией поручено было бывшему Орловскому Епископу Макарию⁵, а указом от 2 декабря за №9978 Св. Синод, освободив его от сего управления, поручил временное управление Рижской епархией викарию Ярославской епархии епископу Угличскому Иосифу⁶. Но в начале текущего 1918 года Св.Синод, в виду поданного членами Священного Собора депутатами от Рижской епархии прошения о незамещении Рижской кафедры до окончания войны и о временном поручении управления Рижской епархии викарию, Епископу Ревельскому, а также в виду имевшихся в Св.Синоде сведений, что Епископ Угличский Иосиф по причинам военного времени не мог прибыть в пределы Рижской епархии, освободив последнего от порученного ему временного управления Рижской епархией, возложил таковое на меня (указ Св.Синода от 22 января 1918 года за №147).

Вспомогательными учреждениями по управлению епархией являлись: духовная Консистория, Епархиальное Попечительство и благочинные. Сверх сего в прошедшем году существовал при Рижском

Архиепископе, имевшем пребывание в г. Юрьеве, временный Епархиальный Совет для ближайшего разрешения дел и вопросов, касающихся преобразования церковно-приходской жизни и миссионерской деятельности в епархии.

Личный состав Консистории. В отчетном году по ходатайству бывшего Архиепископа Иоанна и согласно просьбам Св.Синодом уволены были от занимаемых ими должностей – сверхштатный член Рижской Консистории священник Александр Климентовский⁷ и штатный член протоиерей Василий Березский⁸ (указ Св. Синода от 18 мая 1917 г. №4825 и определение Св. Синода от 2-4 сентября за №5148). К концу отчетного года состояло три штатных члена и один временно присутствующий, секретарь, четыре столоначальника, казначей, архивариус и регистратор (исп. обяз.).

Делопроизводство. Духовная Консистория со времени эвакуации в 1915 году из Риги имеет пребывание в Новгороде. Делопроизводство, в связи с военными событиями, уменьшилось вообще против прежних лет. Менее важные дела и бумаги разрешались Консисторией, в виду затруднительности почтовых сношений, самостоятельно. Но постановления по служебным и бракоразводным делам посылались на утверждение Архиепископа. В течение отчетного года было представлено протоколов 57 и журналов 210. Входящих бумаг в Консисторию было 6 134 и исходящих – 7 329. Занятия Консистории происходили в помещении Новгородской духовной Консистории в послеобеденное время.

Хозяйственное состояние Консистории и архив. В Риге Консистория помещается в собственном каменном трехэтажном доме, купленном в 1850 году при открытии

Рижской кафедры. Но здание это представляется и тесным и неудобным. Посему у Епархиального Начальства уже давно имеется забота о продаже старого дома и о покупке более удобного и поместительного нового или о постройке на том месте нового.

Архив Консistorии в Риге помещается в двух отделениях нижнего этажа консисторского флигеля, с окнами частью на улицу, частью на консисторский двор. Помещение это достаточно светло, но чрезвычайно тесно; для осушки его имеются печи и форточки в окнах. При эвакуации Консistorии из Риги большая часть консисторского архива оставлена там, при чем для надзора за консисторским домом и архивом оставлен был один из сторожей консистории; меньшая же часть архива (важнейшие документы, дела за позднейшие годы и метрические книги за последние 50 лет) и дела, находящиеся в производстве, Консistorией взяты с собой и ныне хранятся частью в помещении архива Новгородской Духовной Консistorии, а частью в предоставленной для сего комнате в помещении означенной Консistorии. С занятием в августе месяце г. Риги неприятелем, по имеющимся сведениям, архив и вообще здание Консistorии охраняются поставленными для этого лицами.

Местный орган. С 1 января 1888 года издавались с разрешения Святейшего Синода «Рижские Епархиальные Ведомости» с официальным и неофициальным отделами. «Епархиальные Ведомости» выходили дважды в месяц – 1 и 15 числа, с платою по 5 рублей в год за экземпляр. Редактором официальной части состоял секретарь Рижской Духовной Консistorии Петр Соколов, обязанности же редактора неофициальной части исполнял священник Василий Щукин. С осени 1915 года «Епархиальные Ведомости» печатались в г. Нижнем Новгороде, где с того времени пребывает редактор неофициальной части

священник Щукин⁹, состоящий преподавателем эвакуированной в означенный город Рижской Духовной Семинарии. Цензором «Епархиальных Ведомостей» состоял настоятель Рижского кафедрального собора протоиерей Владимир Плисс¹⁰, проживавший в качестве преподавателя Семинарии также в Нижнем Новгороде. С сентября прошедшего года издание «Рижских Епархиальных Ведомостей» прекратилось в виду полной невозможности при возросшей чрезвычайной дороговизне на все печатные материалы и высокой оплаты труда рабочих.

Об Епархиальном Попечительстве и Эмеритальной кассе см. на особом листе.

Число благочинных. В отчетном году в Рижской епархии состоял 21 благочинный, в том числе 2 соборных. В виду поступивших от многих благочинных заявлений об освобождении их от должности и требований обновленного строя церковной жизни, бывший Рижский Архиепископ Иоанн сделал чрез Консistorию распоряжение о составлении в неэвакуированных округах благочинных собраний и избрании на них кандидатов для благочиннических должностей, а также и об избрании духовных следователей.

Благочиннические советы. Вследствие постановления Рижского Епархиального съезда в Рижской епархии, по примеру других епархий, существовали благочиннические Советы, состоявшие из благочинного, одного из священников благочиния и одного из псаломщиков духовного звания или окончившего полный курс Духовной Семинарии. Последние два избираются на благочиннических съездах на три года. Круг деятельности Советов определяется особыми правилами, составленными Духовной Консistorией и утвержденными Епархиальным Преосвященным. Рассмотрению Совета подлежат дела незначительной важности, при чем одни решаются

окончательно, а по другим предоставляется недовольным право перенести дело на рассмотрение Епархиального начальства в известный срок. Кроме того, к обязанностям Совета относится доставление по предписанию Епархиального начальства разных сведений по делам.

II. ОБОЗРЕНИЕ ЕПАРХИИ

Вынужденный вследствие последовавшего 18 июля 1915 года со стороны военных властей распоряжения об эвакуации из г. Риги, жить временно вдали от своего кафедрального города, Преосвященный Иоанн не переставал быть с ним в духовном единении. В течении отчетного года он совершил несколько поездок в г. Ригу. В первый раз он посетил Ригу 27 марта – 5 апреля, желая провести со своей паствой страстные и пасхальные дни. Во время своего пребывания в Риге он ежедневно совершал богослужения утром и вечером или в Алексеевском мужском монастыре или в кафедральном соборе, произнося везде соответствующие воспоминаемым евангельским событиям поучения. Торжественные богослужения в соединении с трогательно-умилительными церковными песнопениями привлекали множество молящихся в храмы. Во второй раз он приезжал в Ригу 19-20 мая, на день св. Троицы и св. Духа, совершив накануне праздника св. Троицы всенощное бдение и на другой день литургию в кафедральном соборе, а в Духов день – литургию в Алексеевском монастыре.

Засим он выезжал в Ригу 22 – 26 июня и 27 июля – 2 августа. 1 августа из Алексеевского монастыря по окончании литургии совершен был крестный ход на р. Двину для освящения воды. В крестном ходе участвовало многочисленное собрание священнослужителей и богомольцев. Для полноты торжества недоставало только колокольного

звона, отсутствие которого в г. Риге вообще наводит на православного человека уныние и скорбь. Колокола при эвакуации правительственных учреждений из г. Риги по распоряжению военных властей были сняты с церквей и вывезены внутрь России.

Других поездок по епархии, в виду обстоятельств военного времени и приближения фронта, невозможно было совершить. А 11 августа Преосвященный Иоанн отбыл в гор. Москву для участия на Поместном Всероссийском Церковном Соборе¹¹.

III. МОНАСТЫРИ

В Рижской епархии состоит монастырей: один мужской штатный второклассный Алексеевский – в Риге и три женских – Иллукстский Рождество-Богородицкий третьеклассный (в м. Иллуксте, Курляндской губ.), Пюхтицкий Успенский – штатный (в Везенбергском уезде, Эстляндской губ.) и Свято-Троице-Сергиев общежительный – в г. Риге с приписанною к нему Спасо-Преображенскою пустынною (близ г. Митава).

Число монашествующих. Рижский Алексеевский монастырь указом Святейшего Синода от 28 октября 1910 года, согласно ходатайству Архиепископа Иоанна, предоставлен в управление Епархиального Преосвященного на правах настоятеля, с назначением, по усмотрению Епископа, для ближайшего заведования монастырем, особого наместника. В монастыре к концу отчетного года состояло: 7 иеромонахов, из которых один исполнял (временно) обязанности наместника монастыря, другой – благочинного, третий – казначея, и иеродиакон. В Иллукстском женском монастыре – игумения, 10 монахинь и 23 послушницы; в Рижском Свято-Троице-Сергиевом – игумения, 25 монахинь и 53 послушницы.

Состояние благочиннического надзора за монастырями. До 1910 года благочинным монастырей состоял настоятель Алексеевского монастыря – архимандрит. С того времени должность благочинного монастырей остается незаполненной, за неимением соответствующего тому лица. Монастыри же находятся в непосредственном подчинении Епархиального Начальства, а причты женских монастырей подчиняются надзору приходских благочинных.

Алексеевский монастырь. Алексеевский мужской монастырь, находясь в г.Риге в центре так называемого старого города, где нет православных церквей, кроме одной эстонской,¹² является особенно нужным для ближайших жителей города. Богослужения в монастыре всегда совершаются по чину монастырскому, при стройном пении монастырского хора, и привлекают много молящихся. В отчетном году, несмотря на эвакуацию в 1915 году большей части духовенства из Риги, богослужение в монастырском храме совершалось неопустительно, ибо в монастыре до настоящего времени пребывают три иеромонаха и иеродиакон. Так как при Рижском Архиерейском Доме не имеется крестовой церкви, то монастырский храм, находящийся в непосредственном сообщении с Архиерейским домом, заменяет для Рижских Епископов крестовую церковь¹³.

Свято-Троице-Сергиев монастырь. В июле 1915 года, по объявлению эвакуации всех правительственных учреждений, выехали из Риги и сестры Троице-Сергиева монастыря и приписанной к нему Спасо-Преображенской пустыни (близ Митава), поместившись на время в земской школе при станции Северо-Западной железной дороги «Плюсса», а настоятельница и некоторые старшие сестры – в женской обители при названной станции. В конце августа месяца настоятельница вместе с сестрами монастыря и пустыни поселились в Савво-Вишерском монастыре, близ

Новгорода, отведенном для них новгородским Епархиальным Начальством в качестве временного пристанища.

Заведывание же Рижским Свято-Троице-Сергиевым монастырем поручено было одной из опытных монахинь. Богослужение там по обстоятельствам военного времени совершалось в отчетном году только по воскресным и праздничным дням по причине нахождения только одного монастырского священника и диакона. При богослужении пел хор солдат ближайших казарм. Оставшиеся в Риге шесть монахинь обслуживали храм и заготавливали свечи и просфоры.

В Савво-Вишерском монастыре, куда эвакуированы сестры обители, поддерживался должный церковный строй, также не изменился весь строй общежительного устава. Богослужение для них совершал один из священников монастыря с диаконом и священником пустыни. В течение летних и осенних месяцев сестры занимались полевыми работами и за отсутствием рабочих на их дол выпало много непривычного труда. Дома оставалось лишь небольшое количество для чтения и пения на ежедневных церковных службах.

По обстоятельствам военного времени и крайней затруднительности содержания учреждений благотворительная деятельность обители сильно сократилась. Женское трудовое общежитие, учрежденное в 1915 году и эвакуированное в том же году в г. Тверь, пришлось закрыть, также и устроенную там столовую для беженцев, и питомцы общежития в количестве 12-ти человек с двумя монахинями переведены были [...] под Москву до 1 сентября. В течение этого времени предполагалось найти подходящее помещение и заработок питомцам общежития, но переполненная беженцами Москва не дала желаемого.

Деятельность столовой для бедных в ограде монастыря непрерывно продолжалась до взятия Риги неприятелем и

ежедневно там получали горячий суп и хлеб от 50 до 80 бедных и приблизительно 45 семьям выдавалась пища на день, среди них было много беженцев. Монастырь обслуживает столовую и старушек «Дома Призрения», принятых в ограду обители на время войны за неимением средств платить за наем квартиры.

Книжный и иконный склад, вывезенный из Риги при эвакуации обители, был отчасти возвращен обратно; иконы и книжки большей частью продавались в часовне монастыря против Двинского вокзала,¹⁴ покупателями являлись преимущественно воины.

Миссионерская деятельность в течении отчетного года сосредоточилась исключительно на тюрьмах: монахиня Елизавета получила доступ ко всем рижским заключенным, разбросанным по разным тюрьмам, и с неослабной энергией посещала их и вела с ними беседы.

Приют и школа обители пользовались помещением при Петропавловской церкви в г.Новгороде, но с 5 июля приют был переведен частью в Савво-Вишерский монастырь, частью в Мало-Кирилов, вследствие затруднения в ведении хозяйства в трех местах, при скудости дров и продовольствия. Но когда стал ощущаться недостаток продовольствия в самом Новгороде, то по предложению Софии Васильевны Мансуровой¹⁵ приют переведен был в имение ее отца В. Г. Безобразова, в Тамбовскую губернию, где имеется достаточно продовольствия. Там им предоставлен один двухэтажный флигель. Близость храма позволяет детям продолжать пение во время церковных служб, что и привлекло им расположение и внимание народонаселения, как и то, что несмотря на попытки разгромить имение и ограбить барский дом, громилы объявили, что приюту нечего бояться, что они в безопасности. В отчетном году было воспитанниц 57. [...]

В Спасо-Преображенской пустыни в отчетном году было 163 чел., в том числе монашеских 25, рясофорных 114 и послушниц 24. Расходы по содержанию монастыря в отчетном году были чрезвычайно большие вследствие громадного повышения цен на все жизненные продукты. Обитель всецело существовала на пособие, выдаваемое ежемесячно из бывшего Татьянинского комитета. Несмотря на усиленный труд сестер приходилось нанимать рабочих для обработки полей. К 1 января 1918 года оставалось наличными 30 руб. и билетами 27 550 руб.

Святейший Синод, заслушав представление Новгородского Преосвященного от 6 сентября 1917 года за №3756, по ходатайству настоятельницы Рижского Свято-Троице-Сергиева монастыря, эвакуированного в Новгородский Савво-Вишерский монастырь, о предоставлении убежища для 40 сестер названного монастыря в одной из обители более плодородной местности, обеспеченной продовольствием, разрешил направить сих сестер для временного помещения в Оренбургский Успенский монастырь, о чем и дал знать Преосвященным – Рижскому, Новгородскому и Оренбургскому для зависящих распоряжений (указ Святейшего Синода от 18 сентября 1917 за №8935). В текущем году, по ходатайству Новгородского и Старорусского митрополита Арсения¹⁶, настоятельница Рижского Троице-Сергиева монастыря игумения Сергия, согласно прошению, вместе с сестрами, Священным Синодом (указ от 10/23 мая за №1210) перемещена была в Новгородский Савво-Вишерский монастырь.

Пюхтицкий монастырь. Пюхтицкий монастырь расположен на «Богородицкой» горе, в Илукской волости, Везенбергского уезда, Эстляндской губернии, в 28 верстах от ст.Иевве Северо-Западной железной дороги. Находящаяся в обители

святыня – чудотворная икона Успения Божией Матери – привлекает сюда для поклонения ей множество богомольцев, в особенности 15 и 16 августа – дни престольного праздника. Обитель имеет ныне четыре церкви (одна устроена в монастырской трапезной). В соборном храме ежедневно утром и вечером совершаются богослужения по уставу. На всех Литургиях возносятся моления как и о живых, так так и об умерших благодетелях св. обители. Точно также в трапезной монастыря происходит поочередно сестрами обители непрерывное чтение молитв.[...] В обители находится источник, над которым устроена часовня. На источник совершаются крестные ходы с чудотворной иконою, здесь служатся водосвятные молебны.

Жизнь в монастыре проходит в постоянном труде. В свободное от полевых работ время сестры трудятся в самом монастыре, занимаясь живописью, рукоделием и ремеслами – шитьем обуви и платья. Монастырь приносит много пользы и окрестному, преимущественно эстонскому иноверческому населению, своими просветительными и благотворительными учреждениями, которыми заведывает особая комиссия, учрежденная в 1898 году общим собранием братчиков Иеввенского отделения Прибалтийского Православного братства¹⁷ с целью помочь настоятельнице монастыря, обремененной многочисленными заботами о монастырском устройении, в управлении означенными учреждениями. При монастыре имеются следующие благотворительные и религиозно-просветительные учреждения: 1) лечебница с амбулаторией, аптекой и приемным покоем, при которых, кроме женщины-врача, работают сестры обители и где за самую незначительную плату больные свидетельствуются врачом и получают необходимое лекарство, а бедные пользуются бесплатным лечением; 2) приют для девочек; 3) двухклассная приходская школа,

где наравне с православными обучаются и воспитываются и дети-лютеране и 4) богадельня для престарелых монашествующих.

Благодаря соседству монастыря, в Пюхтице существуют: бесплатная народная русско-эстонская библиотека-читальня, вольная пожарная дружина и производится по воскресным дням народные чтения с туманными картинами.

В 25 верстах от монастыря, близ сел Сыренца и Ям, находится Гефсиманский скит. Это монастырская богадельня. Здесь находят покой больные, слабые старицы из монашествующих. Число обитательниц скита простирается до 20 человек, считая в том числе и сестер, прислуживающих старицам. В ските имеется домовая церковь во имя Успения Божией Матери. Священники из монастыря ежемесячно выезжают сюда для совершения богослужений и приобщения больных стариц. По праздникам сюда выезжает и священник ближайшей к скиту церкви.

У монастыря имеются 2 подворья: в г. Ревеле и в Петрограде. Дом для Ревельского подворья пожертвован (ныне умершей) купеческою вдовою Пелагеею Басаргиной в 1895 году. На этом подворье выстроен каменный храм на пожертвования разных лиц, в том числе о.Иоанна Сергиева Кронштатского (одна тыс. руб.). При церкви подворья имеется штатный священник, получавший жалованье от казны. Другое подворье находится в Петрограде на участке земли (по Карташихиной улице, в Галерной гавани), пожертвованном в 1901 году монастырю мещанином Александром Ивановым. При подворье этом в 1906 году устроен каменный храм. Для совершения богослужений содержится особый причт, состоящий из двух священников и диакона.

В виду угрожаемой Пюхтицкому Успенскому монастырю опасности от неприятеля Св. Синод, согласно ходатайству Рижского Преосвященного, распорядился поместить

этот монастырь в Ростовском мужском Петровском монастыре Ярославской епархии, на что было предварительно испрошено согласие архиепископа Ярославского.

Иллукстский женский монастырь. Единственную в своем роде задачу выполнял Иллукстский женский монастырь, хотя и сравнительно малочисленный по числу монашествующих сестер. Благодаря, главным образом, этому монастырю обеспечено существование Иллукстского женского епархиального училища. Обителью предоставлено училищу помещение. Игуменья монастыря является в то же время начальницей училища; на средства монастыря содержится 20 девиц-сирот духовенства епархии; обязанность прислуги исполняют послушницы монастыря. Учащиеся, находясь в тесном общении с монастырем и руководимые настоятельницей монастыря, получают более строгое религиозно-нравственное воспитание и добрые навыки, столь важные для дальнейшей их жизни. Кроме помощи училищу, монастырь этот до своей эвакуации служил до некоторой степени к удовлетворению и религиозных потребностей местного довольно многочисленного православного населения. В м. Иллуксте проживало немало прихожан Альт-Гринвальдского прихода, которые, по отдаленности своей приходской церкви, посещали богослужения в Иллукстском женском монастыре и совершали здесь и требы. Альт-Гринвальдский священник проживал тут же, в Иллуксте.

При приближении неприятеля, в июле месяце 1915 года к местечку Иллуксте, сестры обители вместе с оставшимися на лето воспитанницами и воспитательницами епархиального женского училища выехали в Москву, где им были временно предоставлены помещения в Вознесенском, Скорбященском и Зачатиевском монастырях. Затем в сентябре месяце сестры монастыря переехали в Выксунский Иверский

монастырь Нижегородской епархии, предоставленный Нижегородским Епархиальным Начальством для нужд Иллукстской женской обители и состоящего при ней епархиального женского училища. Там последнее и функционировало в истекшем учебном году. До занятия неприятелем м.Иллуксты оттуда заблаговременно было вывезено все наиболее ценное церковное и монастырское имущество, а из училищного – наиболее ценные учебные пособия, значительное количество книг фундаментальной и ученической библиотек, некоторые приборы физического кабинета и часть музыкальных инструментов. Так как, судя по официальным известиям штаба Верховного Главнокомандующего, м.Иллуксты подолгу находилось в сфере артиллерийского огня как неприятельского, так и нашего, то можно предполагать, что находящиеся там монастырские и училищные строения подвергались более или менее значительному разрушению.¹⁸

Хозяйственное состояние монастырей. На содержание Алексеевского монастыря в г.Риге положено было отпускать из Государственного Казначейства по 2 840 руб. в год. Из женских монастырей Иллукстский получал содержание от казны по 1 840 руб. в год. Рижский Свято-Троице-Сергиев монастырь начиная с 1910 года и до 1916 года включительно получает из средств Государственного Казначейства по 10 000 руб. в год на покрытие неотложных нужд. Ассигновано было подобное пособие монастырю и в отчетном 1917 году условным кредитом, но департаментом Главного Казначейства не было выслано в Юрьевское Казначейство, по поводу чего производилась и производится переписка у Консистории с упомянутым Департаментом. Крайнюю недостаточность материальных средств испытывает и Пюхтицкий монастырь. В виду сего последовало ходатайство о выделении монастырю пособия в размере 10 000 рублей или в

ином размере по усмотрению Святейшего Синода, но доселе удовлетворения ходатайства еще не последовало.

Во владении монастырей находится следующее количество земли: Иллукстского – 429 дес., Пюхтицкого – 356 дес. и Рижского Троице-Сергиева монастыря – 697 дес. (из этого числа 386 дес. отведено правительством в декабре 1902 года для нужд приписанной к Сергиеву монастырю Спасо-Преображенской пустыни и для той же пустыни приобретено покупкою в 1913 году 23 дес.). Иллукстский монастырь, кроме того, владеет озером «Саукен», отдававшимся до 1915 года в арендное содержание по 370 руб. в год, а Пюхтицкий монастырь имеет три рыбные ловли, приносящие дохода 875 руб. в год.

Единственный в епархии мужской Алексеевский монастырь, учрежденный в г.Риге в 1896 году при церкви упраздненного Алексеевского прихода, до 1908 года не наделен был землею или другими какими-либо угодиями, и только в упомянутом году по ходатайству Епархиального Начальства было отведено названному монастырю 4 Митавских сенокосных участка общей площадью 21,24 дес. с годовым доходом в 620 руб., а также Клейн-Фридрихсгофская казенная водяная мельница (в Курляндской губернии) с землею в количестве 34,62 дес. (удобное и неудобное), приносившей аренды более 600 руб. в год. В настоящее время принадлежащие Рижским Алексеевскому и Троице-Сергиеву и Иллукстскому монастырям земельные угодия находятся в руках неприятеля и, разумеется, монастырям никакого дохода не приносят.

IV. ЦЕРКВИ

В Рижской епархии всего 268 церквей, кроме того имеется 71 часовня и молитвенных домов. Соборных церквей 4,

приходских 198, бесприходских: при дачах архиерейского дома 2, при монастырях: мужском 1, женских 8, при казенных и богоугодных заведениях 27, при судостроительных заводах 3, кладбищенских 7, приписных 18. Одноклрных 186, двухклрных 14, трехклрных 2 и четырехклрных 1 (кафедральный собор).

В июне 1915 года было возбуждено вновь ходатайство пред Святейшим Синодом о возобновлении с 1916 года отпуска в течение 10 лет кредита в размере 70 000 руб. в год на постройку новых церквей и причтовых зданий и по 30 000 руб. в год на ремонт старых. Вследствие сего Святейшим Синодом отпущено было в распоряжение Епархиального Начальства на сооружение и обновление православных храмов по параграфу 12 ст. финансовой сметы Святейшего Синода 1916 года 70 000 руб., причем указом от 11 августа дано было знать Епархиальному Начальству, что будут отпускаемы на ремонт и постройку церквей в епархии из означенного кредита потребные суммы по мере надобности по особым каждому раз ходатайствам Рижского епархиального Начальства, с представлением утвержденных в надлежащем порядке проектов и смет и в зависимости от состояния церковно-строительною кредита, но не свыше 70 000 руб. в год, впредь до удовлетворения неотложных церковно-строительных нужд епархии. Ввиду военных обстоятельств и чрезвычайно возросшей дороговизны на все материалы и рабочие руки церковно-строительная деятельность в епархии приостановилась в отчетном году.

В отчетном году производится постройка церквей: 1) каменной в г. Риге на Иоанновском кладбище, 2) каменной же в Риге на фабрике товарищества М. С. Кузнецова и 3) деревянной во вновь открытом в 1911 году Карьяламском приходе.

Во многих приходах еще есть настоятельная нужда в постройке церквей, как-то в

Виндавском Всехсвятском, Палангенском, Сурриском, Тиммоском, Кангроском, Каббальском, Камсовском, Левальском, Лайксарском, Сайкенском, Веровском, Куймецком, Гапсальском и Валкском Николаевском (сгоревшей в 1913 г.). В Виндавском Всехсвятском приходе церковь помещается в тюремном замке. Помещение это крайне неприглядно: там мрачно и сыро. Церковь в г.Гапсале пришла в крайнюю ветхость, просела и дала трещины, богослужение приходом совершается в частных домах или в школьных помещениях, непригодных для общественной молитвы.

Избыток церквей или недостаток в них. Избытка церквей в епархии нет, а напротив ощущается недостаток в них в виду увеличившегося православного населения в некоторых местах или отдаленности жительства православных от своей приходской церкви, или неудобства путей сообщения с последними. Так, нужно построить вновь церкви: 1) на станции Эльва, близ г. Юрьева, 2) в м.Стакельне, близ станции того же имени, Северо-Западной жел. дор., 3) в посаде Нустаго, Кастолацкого прихода, 4) на станции Боккенгоф, Зонтагского прихода, 5) на ст.Мойзекуль, Галлистского прихода, 6) на станции Кегель, Балтийско-Портского прихода, и 7) в дачном поселке Немме, близ г. Ревеля.

Состояние ризницы и утвари церковной. Церкви Рижской епархии, за исключением городских, вследствие весьма скудных средств своих ризниц и церковной утвари весьма бедны. Посему местные приходские священники нередко обращаются за пожертвованием необходимых утварных и ризничных предметов к разным благотворителям. В отчетном году поступило лишь пожертвование в Кангроскую (?) церковь (образ св. Николая Чудотворца с лампадою стоимостью в 75 руб.).

Материальное положение церквей епархии, никогда не бывшее особенно

блестящим, за отчетный год, под влиянием военных обстоятельств и возникшей в связи с ними чрезвычайной дороговизны, значительно ухудшилось. В особенности нужно сказать о сельских церквях. Должно признаться, что прибалтийские православные крестьяне — латыши и эсты, в сравнении с коренным русским сельским населением, весьма мало жертвуют на нужды своих приходских храмов. Происходит это не только от бедности местного населения крестьянского, большей частью безземельного, но и от коренившегося среди новоприсоединенных латышей и эстов крайне эгоистического взгляда на дело обеспечения церквей и духовенства. Материальное обеспечение лютеранской церкви и духовенства в Прибалтийском крае нормируется особыми, утвержденными правительством правилами, так называемыми регулятивами, определяющими виды и размеры несомых в пользу протестантских духовенства и кирхи повинностей и поборов, и возлагающими их на всех, владеющих в районе данного прихода земельной недвижимостью помещиков и крестьян. В случае отказа добровольного исполнения определенных регулятивами повинностей и поборов, таковые взыскиваются в принудительном порядке. Присоединяясь к православию и тем самым выходя из сферы действия регулятивов, православные эсты и латыши, не принуждаемые более никаким законом к несению материальных жертв в пользу нового вероисповедания, мало-помалу привыкли считать себя как бы совершенно свободными от всяких обязательств, как юридических, так и моральных в вопросе о материальной поддержке церкви и обслуживающего духовные нужды духовенства, а все заботы по сооружению и содержанию храмов и по обеспечению духовенства стали возлагать на казну. Вследствие сего добровольные пожертвования прихожан в пользу своих храмов никогда не были особенно

значительны. Главнейшим источником, из которого покрывались текущие расходы по содержанию церквей, являлись доходы от продажи церковных свечей, но и этот источник в последнее время начинает иссякать... До июля месяца 1915 года церкви епархии снабжались восковыми свечами из имевшегося при Рижском Свято-Троице – Сергиевом женском монастыре свечного завода. После последовавшей в означенном месяце эвакуации монастыря из г. Риги монастырь вынужден был прекратить выработку церковных свечей. Для упорядочения дела дальнейшего снабжения церковью епархии восковыми свечами Епархиальным Начальством в 1915 году был открыт при Успенском соборе г. Юрьева временный свечной склад. Вместе с тем духовная Консистория обратилась к правлениям епархиальных свечных заводов ближайших к Прибалтийскому краю епархий с просьбой об отпуске этому складу потребного количества восковых свечей. Но, как усматривается из поступающих донесений некоторых приходских священников к Епархиальному Начальству, не все церкви епархии получают свечи из означенного склада за трудностью для самого склада приобретения свечей, и нужда в церковных свечах ощущается крайняя.

Хранение церковных сумм. Церковные суммы (в дозволенном количестве) хранятся при церквях в кладовых или ризницах за ключом церковного старосты и церковной печатью, процентные же бумаги хранятся частью в конторах и отделениях Государственного Банка, частью в местных Казначействах. В некоторых церквях, не имеющих возможности, по скудости средств, нанимать сторожей и неснабженных прочными дверными запорами и оконными решетками, допускалось хранение как денежных сумм, так и ценных богослужебных сосудов в квартирах местных священников под ответственностью всего причта с церковным старостой, в особых

ящиках за ключами церковного старосты и за церковной печатью. В отчетном году было четыре случая похищения из церквей. К розыску виновных и похищенного имущества, по донесениям благочинных, принято полицией и судебными властями законные меры.

Состояние церковного письмоводства. Церковные документы ведутся священнослужителями более или менее исправно и двукратно свидетельствуются благочинными, а по окончании года некоторые из документов представляются в Консисторию для свидетельствования и хранения в архиве. При ревизии и при каждом замеченном недостатке в ведении документов строго внушается духовенству епархии о точном и правильном ведении сих документов.

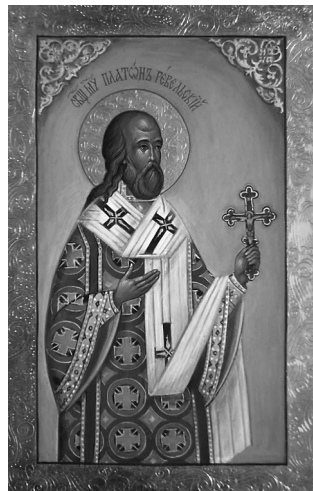
Церковные библиотеки. За исключением церковью недавно открытых приходов при всех церквях Рижской епархии имеются библиотеки, время от времени пополняемые за счет церковных средств. В некоторых благочиниях имеются особые благочиннические библиотеки, составляющиеся и пополняемые на собственные средства причтов. Кроме того, состоят бесплатные народные библиотеки при приходских церквях: Тугаланской, Тенасильмской и Каркуской (Феллинского уезда), Цинтенгофской и Велисской (Перновского уезда) и при церкви Кренгольмской мануфактуры (Везенбергского уезда, Эстляндской губернии). Библиотеки состоят под наблюдением приходских священников.

Устройство при церквях книжных складов. В Рижской епархии склады книг духовного содержания на славянско-русском, латышском и эстонском языках, а также крестиков и священных изображений существуют с 1889 года. До времени войны таких складов было в Рижской епархии 32, но с занятием неприятелем части Рижской епархии число складов уменьшилось. В отчетном году существовали склады – в Риге при

кафедральном соборе и при церквях: Благовещенской, Александро-Невской, Троице-Задвинской, Покровской, Всехсвятской и Иоанновской; при Петропавловской церкви г.Риги имеется склад эстонских книг; при Ревельской Преображенской церкви (славяно-русских и эстонских); при Юрьевском Успенском соборе (славяно-русских); при Юрьевской Георгиевской церкви (эстских); при Верроской (эстских); при Фелинской (эстских); при Перновской Екатерининской (эстских и славяно-русских); при Арнсбургской (эстских и славяно-русских); при Валкской (эстских и латышских); при Гапсальской (эстских и славяно-русских); при Вольмарской (латышских); при Венденской (славяно-русских и латышских); при Эйхенангернской (латышских); при Леальской (эстских); при Гривской (русских); при Гелламской (эстских); при Каркусской (эстских) и при Кренгольмской (эстских).

Богадельни при церквях и другие благотворительные заведения. При Алексеевской приходской церкви в г. Риге существовала богадельня для вдов и сирот духовного звания, которая содержалась на пожертвования некоторых церквей и духовенства Рижской епархии. С обращением этой церкви в 1896 году в монастырь дом, в котором помещалась богадельня, приспособлен для монастыря, а для богадельни выстроен новый дом на месте, принадлежащем Рижской Покровской церкви. Дом этот каменный, трехэтажный, состоит из 24 квартир, приспособленный именно для вдов и снабженный всеми хозяйственными удобствами. Выстроен он на капитал, принадлежащий духовенству Рижской епархии.

При Перновской Екатерининской церкви имеется две богадельни, учрежденные для призрения бедных беспомощных лиц мужского и женского пола православного вероисповедания Перновского прихода. Имеется богадельня и в Иллукто-Гринвальдском

Священномученик Платон (Кульбуш)

приходе, но за занятием прихода неприятелем сведений о ней не имеется.

Вследствие ходатайства Епархиального Начальства в г. Риге учрежден церковно-археологический музей с целью сохранения от истребления памятников церковной старины и для собрания их в одно древлехранилище, где могли бы пользоваться ими лица, занимающиеся церковной археологией. В настоящее время имеется в музее более тысячи предметов, между которыми есть немало ценных и важных в археологическом отношении. Имеется также при музее небольшая специальная библиотека, необходимая для научных работ. Делами музея до эвакуации из г. Риги заведовал особый комитет из шести лиц – четырех духовных и двух светских. Некоторая часть более ценных предметов была вывезена при эвакуации в Нижний Новгород Председателем Комитета кафедральным протоиереем Владимиром Плиссом.

V.

ЦЕРКОВНЫЕ ПРИХОДЫ

Приходов в Рижской епархии к 1917 году имеется 210, в том числе латышских 49 и

эстонских 99, смешанных: русско-латышских и русско-эстонских 32, русских 29 и один шведский приход (на остр. Вормс). По ходатайству бывшего Рижского Архиепископа Иоанна, указом Св. Синода от 16 февраля 1917 г. за №1628 открыта вторая штатная священническая вакансия при Кренгольмской Воскресенской церкви с отнесением содержания по сей вакансии на средства правления товарищества Кренгольмской мануфактуры.

VI. Духовенство

Всех лиц, состоящих на епархиальной службе, считается в Рижской епархии 642, в том числе протоиереев 29, из них штатных 7, священников 212, диаконов 34, из них на вакансии псаломщика 6, и псаломщиков 367.

Состояние просвещения священно-церковнослужителей. Из общего числа священно-церковнослужителей Рижской епархии окончили курс Духовной академии 15 протоиереев и 6 священников; Духовной семинарии 14 протоиереев и 165 священников, 2 диакона и 45 псаломщиков, так что из состоящих в Рижской епархии 29 протоиереев и 215 священников только 39 человек не получили богословского образования в духовных заведениях.

Полученные в школах научные сведения священнослужители стараются пополнять и приумножать чрез чтение общепользных книг и духовных журналов. Многие, кроме прямого исполнения пастырского своего долга, несут еще и другие обязанности, состоя законучителями в различных учебных заведениях как епархиального ведомства, так и гражданского. Некоторые участвуют литературными трудами в местных Епархиальных ведомостях и в духовных журналах, издаваемых Рижским Петропавловским Братством на эстонском и латышском языках. Священник Александр-Невской

церкви Константин Кокла²⁰ уже шестой год издает при содействии местных православных деятелей «Календарь для православных эстонцев» на эстонском языке.

Состояние исправности в отношении к богослужению и назиданию паствы. Богослужение во всех церквях неэвакуированных приходов совершалось исправно во все воскресные и праздничные дни; торжественные вечера по воскресным и праздничным дням вследствие неблагоприятных местных условий совершались в редких храмах. Накануне воскресных и праздничных дней совершались всенощные бдения, а в самые дни – утрени, часы и Божественная литургия; во время Великого поста по средам и пятницам совершались утрени, часы и литургия преждеосвященных Даров. Богослужение совершается с должным благоговением, уставно и неторопливо. При многих церквях имеется более или менее благоустроенные певческие любительские хоры, кои значительно способствуют благолепию богослужения. Общего пения в полном смысле этого слова не существует в церквях, тем не менее более употребительные церковные песнопения, как-то «Святый Боже..., Верую..., Отче наш..., Достойно есть...» и некоторые псалмы поются всем народом. Много было попыток ввести общее пение при православном богослужении, много положено было трудов на это православными священниками, но полного успеха в этом деле не достигалось. Отсутствие стихотворного размера в православных песнопениях больше всего препятствовало укоренению общего пения. Эстонцы и латыши, привыкшие в лютеранстве к стихотворному пению, никак не могут усвоить и запомнить православного речитативного пения. По отзывам одного из священников, общенародное пение в православной церкви не может привиться и укорениться, пока песнопения не будут переложены в стихотворный размер. Точно

также один из благочинных пишет: «Стихи легче запоминаются, стихи сильнее действуют на чувство, в них больше красоты, больше поэзии, стихи своей музыкальной ритмичностью, своей красотой возвышают душу, поднимают религиозное настроение, стихи [...] на собеседованиях в Юрьеве, в школьных помещениях, на вечерних молитвенных собраниях в Эльве, Боккенгофе и Нустаго (?) привлекают туда много народа». Слово Божие проповедывалось священниками весьма усердно; поучения произносились ими неопустительно в каждое воскресенье и праздничные дни. По своему содержанию проповеди были очень разнообразны и вполне соответствовали духу и обстоятельствам времени. Часто проповеди носили обличительный характер: бичевались современные пороки, распущенность нравов, страсть к наживе и зло тайного винокурения. Кроме того, священники произносили поучения также при совершении треб, как в церкви, так и в домах прихожан. Поучения говорились частью собственного сочинения, частью переводные и при этом по преимуществу наизусть, и всегда они слушались с большим вниманием и охотой. Религиозно-нравственные беседы велись не везде, вследствие трудности собрать слушающих при разбросанности на далеком друг от друга расстоянии местожительства прихожан.

Деятельность духовенства в борьбе с пьянством в настоящее время, когда продажа алкогольных напитков запрещена, выразилась лишь в укреплении прихожан на началах трезвости, но тем не менее работу духовенства в этом направлении нельзя считать законченной: в последнее время все чаще и чаще повторяются случаи приготовления домашним способом самодельной водки и тайной продажи ее народу и, таким образом, для духовенства является новая работа – как предохранить народ от сего пагубного соблазна.

Особенное усердие духовенства проявляло по удовлетворению религиозно-нравственных потребностей расквартированных по приходам тыловых воинских частей. Причты часто выезжали в места стоянок и там совершали богослужения и молебствия, причем всегда при таких посещениях войска священники произносили поучения и речи и тем поддерживали в войсках бодрость духа и патриотическое настроение. Не оставалось духовенство безучастным также и к общественным делам и интересам. Во главе почти всех общественных начинаний стояли православные священники, избиравшиеся председателями благотворительных или просветительных обществ или кооперативных товариществ.

Нравственное состояние духовенства. Нравственное состояние духовенства за весьма малым исключением вполне удовлетворительно. Своим поведением и исполнением своих служебных обязанностей старшие члены причтов служили добрым примером для младших; последние же, в свою очередь, за редким исключением, относились к ним с уважением и почтительностью. Резких поступков против нравственности и благоповедения среди священно-церковнослужителей не замечалось. Взаимные отношения священников были братские и товарищеские.

Взаимные отношения духовенства и паствы. В настоящее время авторитет православного духовенства в крае среди подавляющего большинства иноверного населения стоит достаточно высоко и доверие к нему народных масс значительное. К слову пастыря прислушиваются и в разных обществах и в частной беседе. Благотворительность и доступность священников содействует тому, что во всех своих горестях и радостях не только православные, но часто и лютеране обращаются за советом к ним.

Священники благословляют воинов на брань, даруют им нательные крестики;

ходатайствуют и помогают семьям военнослужащих в получении пособий и пенсий. Располагают прихожан к покупке бумаг Государственных займов, посещают лазареты, собирают среди прихожан и учащихся подарки для отправления защитникам родины на фронты военных действий, собирают деньги для составления фонда обучения сирот военнослужащих.

Взаимные отношения православного и инославного духовенства. Отношение православного духовенства к духовенству инославному и к инославным жителям вообще миролюбивы. Что касается лютеранских пасторов, то они, опираясь на местное сплошь немецкое дворянство и гордое своей материальной обеспеченностью и независимостью своего материального положения от казны, в большинстве случаев относятся к православным священникам с высокомерием, а иногда и с презрением. Многие пасторы в своих проповедях и частных беседах намеками, разными кривотолками стараются посеять в своих слушателях-лютеранах, а через них и в своих бывших духовных чадах, ставших православными, сомнения в истинности догматов и обрядов православной церкви. Такие приемы (?) пасторов мало того, что отвращают от православия их собственных прихожан, они влияют и на православных, потому, что лютеране, опираясь на речи своих духовных руководителей, в частных духовных беседах, при деловых сношениях задают своим знакомым и родственникам, принявшим православие, разные вопросы о православном вероучении, опровергают некоторые его положения, выставляя на вид правоту и преимущества лютеранского вероучения. Такое совопросничество опасно в особенности потому, что все сельские приходы в Прибалтийском крае весьма разбросаны так, что прихожане живут на большом расстоянии от своей церкви и священника. Вследствие этой особенности они не имеют

возможности в нужном случае обратиться за руководственной помощью к своему духовному отцу, и брошенное в их души зерно сомнения и недоверия иногда пускает корни и дает плод в виде отпадения от православной церкви. Но, главным образом, пасторы пользуются для своей враждебной пропаганды смешанными браками, направляя на православное лицо нафанатизированную половину – супруга или супругу лютеранского вероисповедания, делая нравственной пыткой жизнь для православного лица. Эта пытка еще более усиливается в жизни разномыслящих супругов тогда, когда возникает вопрос о крещении и воспитании детей; православный супруг часто не смеет крестить дитя в православие; при настойчивости же, какую желало бы проявить в этом случае лицо православное, супружеская жизнь под влиянием пасторов обыкновенно становится невыносимой. В своих стремлениях к подавлению православия лютеранские пасторы проявляют большое единодушие и энергию. Они ежегодно устраивают так называемые синоды, на которых обсуждают меры противодействия православию и средства соращения из него в лютеранство. Ту же цель преследуют пасторы, устраивая торжественные богослужения и так называемые библейские праздники. На эти богослужения съезжаются многие соседние пасторы, произносятся проповеди тенденциозного содержания, раздаются брошюры, трактующие о превосходстве и евангельской чистоте лютеранского учения.

Пасторы из эстов и латышей, пользуясь сильным развитием национального чувства у этих народностей, при всяком удобном случае стараются внушать своим прихожанам, что лютеранская вера есть национальная вера эстов и латышей и что уклонение из лютеранства в православие равносильно измене своей народности. Такие же взгляды высказывались нередко и в инородческой печати.

Католические ксендзы проявляли до недавнего времени еще большую враждебность к православию и большую смелость и бесцеремонность, чем лютеранские пасторы. С наибольшим успехом ксендзы действовали чрез смешанные браки, где во главе семейства – католик отец или ярая католичка. Духовное влияние католических ксендзов-патеров на народ весьма сильное. Для этого ими применяются все средства непосредственного наибольшего воздействия на народ: частая исповедь, говенье, исправительные духовные наказания, запрещение и воздержание в пище, временное лишение причастия, поклоны, публичное покаяние, лежание «крыжем»,²¹ беседы на един, публичные наставления в костеле, торжественные службы «фесты»²² – с общим народным пением и т.п. Из побочных средств народного воспитания в духе католической религии имеются конфессиональные школы при костелах. В них с восьми лет и ранее мальчики и девочки обучаются чтению молитв по-польски и по-латыни; обучаются хоровому пению молитв – костельных, погребальных, свадебных, при встречи св. Причастия, у постели больного и пр. В этих училищах преподавательницами состоят пожилые женщины, сильные верой и фанатическою приверженностью к католической религии; каждое утро из этих школ дети ходят в костел на молитву под орган вместе с воспитательницами. Приучая с малолетства к чтению польской книжки, в которой молитвы изложены под рифму, стихами, католики, подобно лютеранам, давно опередили православных в грамотности, в знании молитв, в умении самостоятельно прочесть и петь их в одиночку и хором при всяких случаях жизни. С особенной торжественностью католиками справляются празднества весенние – «майское набоженство»; продолжающееся весь май месяц по вечерам праздники Тела Иисуса, Сердца Божией Матери и пр.

Ксендзы, всегда ведшие польско-католическую пропаганду, особенно стали сильны и деятельны в преследовании своих религиозных и скрытых политических целей с дарованием свободы совести. Закон 17 апреля 1905 года о веротерпимости дал широкий простор проявлениям фанатизма ксендзов, которые, обходя все ограждающие православную веру постановления, хитростью и насилием увлекали в католичество православных. Впрочем, необходимо заметить, что враждебность к православию со стороны католической массы и ее духовных руководителей проявлялась лишь в приходах Зельбургского благочиния, где среди населения преобладает католическое большинство, и лишь до середины 1915 года, когда половина этого благочиния была занята неприятелем, в другой же половине вообще горе и общий страх пред неприятелем заставили замолкнуть враждебные голоса.

Материальное состояние духовенства. Духовенство получает с 1862 года жалование от казны, а именно: священники по 1 300 р., диаконы по 550 руб., старшие псаломщики в селах по 300 руб. и младшие по 250 руб. в год, а в городах – старшие по 350 руб. и младшие по 300 руб. в год. В последние мирные годы жизнь вздорожала в несколько раз и прожить на получаемое от казны содержание по местным условиям являлось довольно трудным. С открытием же военных действий, когда вследствие близости края к фронту, совместно с общими причинами, цены на самые необходимые жизненные припасы возросли от 3 до 8 раз, жить на прежние средства стало решительно невозможно. В городских приходах некоторым подспорьем для духовенства являются братские доходы, правда, незначительные, за весьма малыми исключениями; городские священники, кроме того, пополняют свои доходы посторонними занятиями, состоя законноучителями в местных учебных заведениях. В сельских же приходах никаких

братских доходов в виде добротных приношений от прихожан за требоисправление нет; нет и других каких-либо посторонних заработков. Руги²³ причты также ниоткуда не получают. Прежде наделы (а таковыми пользуется меньшая часть церквей) давали некоторый доход от земельного хозяйства, теперь же, после повторных реквизиций, эта доходная статья разорена и надолго²⁴. Духовенство, следовательно, лишилось и того подспорья, которое давала земля.

Коли тяжело положение священников, то еще более печально положение псаломщиков, обеспеченных в пять раз меньше. Материальная нужда пастырей, нищета низших членов клира лишает их душевной бодрости, энергии и трудоспособности. Особенно остро ощущается материальная нужда теми священнослужителями, которые в виду военных обстоятельств вынуждены были покинуть постоянные места своей службы и выселиться со своими семьями вглубь края, а иногда и далеко во внутренние губернии, а также и теми, которые хотя и остаются на местах службы, но по близости мест их службы к фронту эвакуировали, по предложению военных властей, свои семейства в более отдаленные местности. Первые, покинув на местах своей службы казенные квартиры и все свое домашнее хозяйство, вынуждены ютиться на чужой стороне, дорогой ценой оплачивая занимаемые ими помещения, при чем семейные в целях обучения своих детей вынуждены жить в городах, где и квартиры и съестные припасы дороже, чем в сельских местностях. Вторые, проживая в разлуке со своими семьями, вынуждены жить на два хозяйства, что, естественно, требует и двойных расходов.

Крайне недостаточное обеспечение причтов церквей служит причиной того, что многие, особенно псаломщики, получившие образование в духовных и учительских семинариях, оставляют епархиальную

службу и переходят в другие ведомства, главным образом в министерские школы или же на частную службу. В виду крайне малого обеспечения псаломщиков на псаломнические места, в особенности в приходах безземельных, поступают лишь такие лица, которые по своей малообразованности или нерасположенности своей к физическому труду не находят себе нигде более выгодного заработка. Вследствие сего образовательный уровень состава псаломщиков постепенно понижается, что не может не отразиться крайне вредно как на церковном, так и на школьном деле.

В настоящее время, когда во всех отраслях труда цены на рабочие силы поднялись весьма высоко, вопрос об обеспечении церкви епархии псаломщиками приобретает особую остроту. Во многих приходах псаломщики или призваны на войну по набору или из запаса, или поступили в армию добровольцами, или же перешли на более высокие должности. Есть церкви, при которых нет ни старшего, ни младшего псаломщика и где священник, помимо совершения богослужений и треб, вынужден единолично вести все дело преподавания в приходской школе. Желających занять вакантные должности правоспособных кандидатов весьма трудно подыскать, в особенности для тех церквей, где положенное казенное жалование сохраняется за призванными на войну и где заместителю может быть предложено лишь скудное вознаграждение из местных средств.

Вследствие ходатайства Архиепископа Иоанна пред бывшим Обер-Прокурором Святейшего Синода А. Раевым²⁵ было отпущено из казны 135 000 рублей для удовлетворения нужд духовенства Рижской епархии до конца 1916 года, ассигнованных из казны на нужды духовенства всей Российской империи 10 000 000 рублей, а засим в феврале месяце 1917 года было дополнительно выслано Хозяйственным

Управлением при Святейшем Синоде, с утверждения Обер-Прокурора, на выдачу пособий духовенству епархии 40 000 рублей. В виду невозможности по обстоятельствам военного времени созвать Епархиальный съезд для распределения отпущенной суммы между нуждающимися причтами, по распоряжению Архиепископа были собраны в ноябре 1916 года благочинные епархии, которые и распределили означенную сумму (135 000 руб.) в таких размерах: священникам по 280 руб., диаконам по 220 рублей, псаломщикам по 170 руб. и просфорням по 75 руб. Но выделив из числа духовенства священников, диаконов и псаломщиков особенно нуждающихся, съезд благочинных назначил им дополнительное пособие по 47 рублей. В октябре отчетного 1917 года Рижским Архиепископом было возбуждено ходатайство об отпуске в пособие духовенству Рижской епархии 335 000 руб., на что ходатайство остается неудовлетворенным. Возбужденное Епархиальным Пресвященным в мае 1916 года ходатайство об отпуске 3 000 руб. на вознаграждение заместителей псаломщиков в тех приходах епархии, в коих один или два псаломщика призваны на действительную военную службу, оставлено было Св. Синодом за отсутствием средств без последствий (указ Св. Синода от 19 сентября 1917 г. за №619).

VII.

ПАСТВА И ДВИЖЕНИЕ ИНОРОДЦЕВ В ПРАВОСЛАВИЕ

Православной паствы в отчетном году по представленным епархиальному начальству документам числилось всего [...] ²⁶ человек обоего пола. Но эту цифру нельзя признать вполне верной, так как, с одной стороны, за эвакуацией причтов Курляндской губернии и некоторых приходов Лифляндской губернии не всеми благочинными епархии представлены требуемые отчетные сведения, а,

с другой стороны, с приближением неприятеля многие православные выселились из пределов Курляндской губернии и из прилегающих к фронту местностей Курляндской губернии, в том числе и из г.Риги.

Главную массу православного населения составляют инородцы – эсты и латыши. В отчетном году перешло в православие из лютеранства [...] ²⁷ человек, детей же вместе с родителями перешло [...], ²⁸ а всего [...] ²⁹ человек. В предшествовавшем 1915 году (?) перешло из православия в лютеранство взрослых и детей – [...] ³⁰ человек. Эти два последних года в отношении числа перешедших из православия в лютеранство почти не разнятся между собой, но по сравнению с предшествовавшими годами (1913-1914 гг.) представляют большую разницу. Так в 1913 году перешло из православия в лютеранство взрослых и детей [...] ³¹ человек и в 1914 году [...] ³² человек. В таком уменьшении цифры переходящих из православия в лютеранство нельзя не видеть успеха дела православия, хотя, с другой стороны, нельзя признать вышеуказанные цифры вполне точными и верными вследствие отсутствия сведений от эвакуированных причтов епархии. Причинами перехода в лютеранство, как и в прежние годы, в отчетный год являлись: 1. безземельность и бедность православного населения; 2. поступление в услужение к хозяину-лютеранину; 3. надежда в лютеранстве выйти выгоднее замуж или найти богатую невесту; 4. разбросанность отдельных православных среди лютеран; 5. влияние лютеранской массы; 6. отдаленность от православной церкви и школы; 7. ненависть и притеснения со стороны лютеран; 8. в особенности, вступление в смешанные браки. Последние, как показал многолетний опыт, являются громадным злом и служат сильным орудием к совращению православных. Тирания лютеранской половины в смешанном браке обыкновенно так сильна и упорна, и неприятности,

чинимые ею православной половине из-за веры так велики, что православная половина, нередко со слезами на глазах, вынуждена бывает в конце концов отказаться от своей веры и перейти в лютеранство. Раздоры, неприятности в смешанных браках, главным образом, возникают из-за детей, которые по закону должны быть крещены в православие. При отце-лютеранине православная супруга в семье часто оказывается совершенно одинокой и, при нетвердости в вере, легко может уклониться.

Гораздо хуже обстоят дела там, где у православного мужа жена лютеранка: дети, правда, крестятся православными, но мать их воспитывает по-лютерански и, с достижением зрелого возраста, они являются потерянными для церкви. Во внутренних губерниях, при окружающей православной среде и твердости православного быта, такие браки привлекают инославных в церковь, в Прибалтийском же крае замечается совершенно обратное явление. Не малую роль в деле уклонения православных в иноверие играет и печальное положение многих православных храмов, тесных и грозящих по местам разрушением, и крайне убогая обстановка православных школ. При сравнении убогих православных храмов, наемных молитвенных домов и школ с обширными и величественными лютеранскими кирхами, бросающимися в глаза своими высокими колокольнями на несколько верст, с благоустроенными и материально обеспеченными лютеранскими школами, местное православное население невольно приходит к убеждению, что лютеранство является в крае вероисповеданием привилегированным и что выгоднее быть лютеранином, чем православным.

Формально переходу в лютеранство в отчетном году, как и в прежние годы, предшествовало увещание уклоняющегося в лютеранство православным пастырем. Из донесений приходских священников видно

было, что некоторые из увещаемых совершенно отказывались входить в какие-либо рассуждения о вере и не хотели объяснять о своих побуждениях к переходу в лютеранство и сектантство, заявляя лишь о своем непреклонном намерении оставить православие. Многие совсем не являлись к священнику для увещания, а некоторые сообщали гражданской власти неверные адреса, чтобы лишить священников возможности розыскать их и, таким путем, избежать необходимости объяснить происшедший в них душевный перелом, искренний или мнимый, своему духовному отцу. Но при всем том из донесений священников можно было усмотреть, что, за весьма редкими исключениями, у уклонившихся не замечалось особенно враждебного и ненавистного отношения к православию. Напротив, многие при пастырских увещаниях заявляли, что православие они любят и скорбят об оставлении его, но не имеют силы переносить тяжелую семейную жизнь вследствие угнетений и придинок со стороны иноверного супруга и его родных, или что не имеют сил отказаться от избранного жениха или невесты. Несколько, однако, человек под влиянием пастырских увещаний совершенно оставили свое намерение перейти в лютеранство.

Были уклонения и в католичество, но единичные. Уклонения в католичество происходят обыкновенно в православных приходах Зельбургского благочиния. В то время, как приходы других благочиннических округов рассеяны в Прибалтийском крае в массе лютеранского населения, православные приходы Зельбургского благочиния находятся среди густого католического населения в Иллукстском уезде Курляндской губернии. Экономически бытовые причины, также как и при переходе в лютеранство, имеют главное значение в деле измены православию и уклонения в католичество. Православные крестьяне

(белоруссы, латыши, литовцы) в Зельбургском округе составляют главный контингент мызных работников и кутников, т.е. живущих на «куту» – на небольшом участке у зажиточных католиков, а также «плацовиков», живущих на арендуемых земельных плацах (участках) от помещиков. На стороне католиков – масса, отличающаяся, в общем, материальным достатком, на стороне православных, в большинстве случаев, бедность, а потому и зависимость. Живя на чужой стороне или в качестве безответного работника на мызе или «на куту» и желая всегда сохранить благоволение своего помещика, чтобы не лишиться участка земли или заработка, крестьяне вынуждаются вступать в сделки со своей совестью и изменять православию. Бедностью православного населения особенно пользуются католики, поставляя православных в безвыходное положение и обещая радости по переходу в костел. Вторым средством к соращению православных являются смешанные браки. До закона о свободе вероисповедания рождавшиеся от смешанных браков дети беспрекословно крестились их родителями в православной церкви и возрастая этим детям в недрах православия содействовал закон, ограждавший православных от незаконных посягательств инославных; с дарованием же свободы веры при самом уже совершении брачного обыска жених или невеста из католиков стали совершенно отказываться давать установленную законом предбрачную записку. А если и соглашались, к чему побуждением бывает недостижение гражданского совершеннолетия либо нежелание расстраивать подготовленную свадьбу, то намерение свое в отношении крещения детей по католическому обряду повенчанный католик часто осуществляет в ближайшем будущем, по требованию ксендза, даже не спрашивая на то согласия православной супруги.

Но если, к прискорбию, ежегодно находятя отступники от православия, то, однако же православная паства каждый год приобретает и новых членов себе. В течении отчетного года было немало присоединений к православной церкви из других вероисповеданий, но точной цифры числа присоединившихся, за неполучением сведений от благочинных, указать не представляется возможным.

Утешительным является то обстоятельство, что и многие из лютеран относятся с уважением к Св. Православной церкви, ее вере, богослужениям и таинствам, и при разных трудных обстоятельствах жизни обращаются к молитвам Православной Церкви: служат молебны, ставят свечи, целуют Св. Крест и евангелие, поклоняются св. Плащанице в великий пяток; по примеру православных в праздник Богоявления берут освященную воду на дом для употребления в случаях заболевания и для окропления жилищ, воздерживаются от принятия пищи в то утро, когда приступают к Св. Причастию, отдают детей своих в православные школы, жертвуют иногда деньгами или материалом на нужды православных храмов; многие, особенно женщины, скорбят душой, что у них нет молитв за умерших. В последнее время под влиянием возникшей войны с Германией наблюдается тот отрадный факт, что за молитвенным утешением в православные храмы приходят многие лютеране.

Появлению среди лютеран некоторого охлаждения к лютеранской церкви, помимо давно созданных ненормальностей ее в Прибалтийском крае, немало содействовали и сами лютеранские пасторы, многие из них совершенно не желали молиться о даровании победы русскому народу, избегали такой молитвы или молились двусмысленно, не указывая, кого нужно подразумевать под врагами; молились, чтобы Господь покарал поднявшего меч, а в частных беседах

с прихожанами объясняли, что в нынешнем страшном кровопролитии виновны русские, что германцы не хотели войны; хвалили немцев и порицали русских. Вследствие сего лютеране потеряли доверие к своим духовным руководителям и во многих случаях переносят таковое на православное духовенство. Православных священников волости с преобладающим лютеранским населением нередко избирают председателями волостных попечительных комитетов о семьях запасных; к православным же священникам лютеране несут и свои денежные лепты и пожертвования вещами в пользу наших воинов; к ним же идут изливать свое горе, когда, напр., долгое время не получают вестей от находящихся на войне отцов, мужей и братьев; к ним же обращаются с просьбами об исходатайствовании казенного пособия и т.д. Весьма трогают лютеран и произносимые в православных церквях молитвы, каких нет в лютеранстве: о даровании победы русскому оружию, об избавлении пленных, о скорейшем выздоровлении раненных, о павших на поле битвы.

К сожалению, насколько православие пользуется симпатиями массы иноверческого сельского населения, настолько же антипатию к себе оно вызывает в сердцах отдельных представителей местной лютеранской интеллигенции, не только немецкой, но и инородческой националистической. В самое тяжелое переживаемое время они позволяют себе недостойные выходки против православной веры.

Благочестие народа не уменьшилось, но, наоборот, в связи с военными событиями еще более увеличилось. Нет почти семейств, где бы один или более членов которого не участвовали бы в отражении дерзкого врага. Оставшиеся в домах усерднее, чем было раньше, посещают храм Божий, служат молебны о здравии и спасении ушедших на войну и панихиды по положившим жизнь свою на поле брани. Православные латыши

и эсты Прибалтийского края, зная по горькому 700-летнему опыту чем грозит краю победа тевтонов, от всей души воссылают к Всевышнему молитвы о даровании победы русскому оружию, со вниманием слушают произносимые пастырем проповеди, любят церковное пение и охотно принимают в нем участие, выстаивают продолжительные церковные службы. Особенно полны бывают храмы в те дни, когда совершается заупокойное богослужение, причем молящиеся стоят в течение всей службы, держа в руках возженные свечи. Среди народа существует еще добрый обычай обставлять проводы умершего и самое погребение возможной торжественностью: впереди погребальной процессии всегда несут запрестольный крест и икону, могилу убирают цветами и, вследствие наплыва высоких грустных чувств, любят при закапывании покойника в могилу слушать умирительное пение – погребальных стихов, ирмосов великого канона и пр. Некоторые благочинные отмечают в своих отчетах, что более религиозно настроено коренное деревенское население, а люди, побывавшие в городах и на фабриках, уже относятся к религии холоднее и даже с враждебностью.

Наиболее живо и наглядно проявляется религиозное усердие и замечается большой подъем религиозного чувства по поводу различных духовных торжеств, как-то: освящения храмов, посещения чудотворных икон и пр. Так, Пюхтинская обитель с ее святыней – чудотворной иконой Божией Матери – глубоко почитается не только православными жителями ближайших к Пюхтице приходов, но и полуверцами-лютеранами, которые с такою же верою, как и православные, прибегают к чудотворной иконе с молитвами, служат молебны, ставят свечи. Икона эта в течение лета приносится и в другие местности, а именно: в город Ревель в конце апреля на 10 дней, в г. Нарву и в м. Усть-Нарву на 10 дней, в село

Сыронец, а также и в лежащие близ него селения Овсово и Яма, на один месяц – с 13 июля по 14 августа, и в село Олешницы к 8 сентября – дню храмового праздника, и здесь пребывает три дня. Всюду святая икона встречается и провожается с большой торжественностью, с крестными ходами, при многочисленном стечении богомольцев. В селениях Сыронец, Овсове, Ямах и Олешницах, населенных русскими, нет семейства, которое бы не приняло бы св. иконы у себя на дому с великой радостью, многие при этом не удовлетворяются обычным молебном, а просят еще прочитать акафист Успения Пресвятой Богородицы. Эту любовь к святыне местное русское население унаследовало от своих предков, которые в продолжении столетий ежегодно ко дню 15 августа носили Пюхтицкую чудотворную икону Успения Божией Матери на святую Пюхтицкую гору для совершения там молебна и водосвятие на св. источнике, презирав все лишения и препятствия, которые им приходилось встречать со стороны местных немецких помещиков.

В г. Митаву и Спасо-Преображенску пустынь, с разрешения Святейшего Синода, до времени занятия этого города неприятелем в 1915 году ежегодно накануне первого воскресного дня в мае месяце приносилась находящаяся в Якобштатском Свято-Духовом храме местнотимая икона Божией Матери сроком на две недели. Кроме того, до эвакуации по случаю военных действий жителей из г. Риги, в г. Ригу с разрешения Святейшего Синода ежегодно 7 сентября приносилась из Псково-Печерского монастыря чудотворная икона Божией Матери «Умиление» и имела пребывание в церкви Свято-Троице-Сергиева женского монастыря до 5 октября. В течении этого времени икона приносилась в приходские храмы и в дома частных лиц по особому составленному расписанию. Торжественная встреча и пребывание почитаемой святыни

благотворно действовало на поднятие религиозного духа и чувства православных рижан.

Но наряду со светлыми явлениями и фактами религиозно-нравственной жизни края наблюдаются и печальные явления. Так, с постоем войск нравственность среди лиц женского пола сильно пала: развилось незаконное сожительство с военными чинами, стала распространяться среди женщин вследствие такого сожительства небывалая до того «ужасная болезнь» и последствием незаконного сожительства было рождение в отчетном году многих внебрачных детей.

Исполнение долга исповеди и св. Причастия. В отчетном году исполнивших долг исповеди и св. Причастия по представленным епархиальному начальству сведениям было по епархии всего до 150 000 человек обоего пола. Но так как не от всех благочинных, за эвакуацией многих причтот епархии, поступили требуемые отчетные сведения, то и вышепоказанное число бывших на исповеди нельзя признать вполне верным; можно думать, что число их в действительности больше. По отзывам некоторых благочинных число неисполняющих христианский долг по опущению с каждым годом уменьшается, что служит показателем подъема религиозного чувства среди населения. Причинами замечающего в некоторых приходах уклонения от исполнения христианского долга исповеди и св. Причастия благочинные признают, кроме равнодушия к вере, еще 1) прихожане-латыши и эсты живут хуторами, часто на весьма большом расстоянии от церкви, и 2) то, что православное население в общем бедное: батраки и безземельные крестьяне. Работая у хозяев-лютеран, они часто принуждены бывают подолгу не посещать церкви и богослужений. Для семейных же людей, малолетних детей причиной опущения долга исповеди иногда можно считать и то, что почти все сельские церкви холодные:

проехать до церкви верст 10-15 ранним утром в зимний мороз, а потом простоять в холодной церкви утреню, исповедь, часы и Божественную литургию, притом еще с малыми детьми, – на это не всякий может решиться.

Состояние знания прихожанами истин веры, заповедей и молитв. Присоединившиеся к православию латыши и эсты знают начальные молитвы, заповеди, символ веры, а некоторые из них очень хорошо знакомы с библией, могут объяснить смысл и значение важнейших обрядов православной церкви. Также и в молодом подрастающем поколении степень знания начальных истин веры, заповедей и молитв, в общем, достаточна. Где матери убежденные в православии, там дети выучивают под их руководством начальные, утренние молитвы и вечерние, а также заповеди и символ веры еще до поступления в школу. Знание молитв слабее в семьях, живущих батраками у хозяев-лютеран или баптистов, которые постоянными едкими насмешками и издевательствами над православием вредно действуют на религиозно-нравственное состояние своих служащих. Благодаря тому, что в многих приходах установилось при богослужении общее пение, православное народонаселение легко ознакомляется с церковными песнопениями и молитвами, а потому «Церковный песнослов» составляет необходимую принадлежность каждой семьи.

Многие из прихожан состоят членами различных благотворительных обществ и в сем звании трудятся в пользу меньшей братии, а иные бесплатно обучают детей. В некоторых приходах производится раздача при церквях более богатыми крестьянами бедным печеного хлеба и других съестных припасов, а также и денег по большим праздникам или по особым семейным событиям, радостным или печальным, как, напр., при крестинах, свадьбах и похоронах. Подается посильная помощь погорельцам

или пострадавшим от других несчастных случаев. Особых выдающихся пожертвований от прихожан на пользу церкви и духовенство не было в отчетном году.

Главнейшим же образом благотворительная деятельность местного православного населения, а также и духовенства в отчетном году, как и в предшествовавшем 1916 году, являлась забота через попечительные советы о семьях лиц, призванных в войска.

Говоря о благотворительной деятельности местного православного населения в связи с переживаемым военным временем, нельзя не упомянуть и о тех материальных жертвах, которые принесены монастырями епархии и служащими по епархиальному и духовно-учебному ведомствам на нужды войны. Монастыри епархии, насколько позволяли им материальные средства и переменчивые обстоятельства военного времени, принимали участие как в деле вспомоществования семьям призванных на войну, так и в деле непосредственной помощи больным и раненым. При Рижском Свято-Троице-Сергиевом женском монастыре в 1914 году, вскоре после открытия военных действий, был открыт лазарет на 25 кроватей, расширенный затем в следующем 1915 году до 55 кроватей. На содержание лазарета монастырь получал пособие от духовенства епархии, Епархиального Попечительства о бедных духовного звания, служащих Рижского духовного училища и духовной семинарии, от студенческих организаций Рижского Политехнического Института и некоторых других учреждений и частных лиц. Кроме того, монастырь со своей стороны бесплатно отпускал на содержание лазарета натурою молоко, хлеб, овощи, квас и пр. Лазарет действовал при монастыре до апреля месяца 1915 года, когда ради безопасности был переведен в г.Юрьев; просуществовав там еще два месяца, лазарет за последовавшей эвакуацией монастыря должен был закрыться.

При Пюхтицком Успенском женском монастыре был открыт в 1914 году и существовал до времени эвакуации лазарет на 20 кроватей, содержащийся на средства монастыря, а частью на процентные отчисления из жалованья духовенства Эстляндской губернии. Сверх того, монастырь жертвовал от себя и принимал от частных лиц готовое белье и другие необходимые нашим воинам вещи и отправлял их по назначению, а также оказывал посильную помощь семьям лиц, призванных на войну.

При Иллукстском женском монастыре в 1914 году был оборудован лазарет на 10 кроватей. На содержание его, кроме монастырских средств, употреблялись процентные отчисления от жалованья духовенства Зельбургского и Керстенбемского благочиний и педагогического персонала Иллукстского епархиального женского училища. С эвакуацией монастыря летом 1915 года лазарет этот также закрылся.

Монашествующие в Рижском Алексеевском монастыре, а также и послушники до эвакуации из города Риги ежемесячно отчисляли из получаемого ими из казны содержания в пользу больных и раненых воинов – первые 3%, последние 2%. Такие же отчисления из жалованья производились духовенством и служащими духовных учреждений епархии. Духовенство епархии, за исключением некоторых эвакуированных благочиний, отчисляло от 1% до 5% из получаемого казенного содержания в пользу больных и раненых воинов, отсылая таковые отчисления в женские монастыри епархии на содержание лазаретов и в другие местные лазареты. Педагогический персонал Рижской духовной семинарии и духовного училища отчисляли по 2% с получаемого содержания на лазарет духовно-учебных заведений преподобного Серафима Саровского в Петрограде. Педагогический персонал Иллукстского епархиального женского училища также отчислял ежемесячно

по 2% из получаемого жалованья на содержание лазарета при Иллукстском женском монастыре.

Учрежденное в 1914 году в Риге общество Святого Креста, цель которого – оказывать посильную помощь и духовно-нравственную поддержку бедным православным людям, прибывающим в г.Ригу на заработки или по другим каким-либо надобностям и часто бедствующим здесь из-за невозможности как иногородним получить помощь от города, – по военным обстоятельствам со второй половины 1915 года вынуждено было прекратить свою деятельность.

VIII.

РАСКОЛ И СЕКТАНТСТВО

Нельзя с совершенной точностью определить число раскольников за отчетный год, так как от некоторых благочинных, вследствие эвакуации их, не поступило годичных отчетных сведений, а другие заявляют в своих донесениях, что сведения о численности раскольников не отличаются полной достоверностью. В предшествующие войне годы раскольников в епархии числилось до 21 000 человек. Почти все раскольники принадлежат к федосеевской и приморской³³ беспоповщины сектам, и только в г. Риге среди проживающих в районе фабрики Кузнецова есть значительное число последователей австрийского согласия³⁴, у которых постоянно проживает священник австрийской лжеиерархии. Раскол наиболее распространен в г.Риге и в приходах: Гривском, Хрщевском, Салонайском, Воронейском, Пирисаарском, Черносельском, Якобштадтском Покровском, Фридрихштадтском, Икскюльском и Гензельсгофском. К православию и к православному духовенству старообрядцы, за некоторыми исключениями, вражды не проявляют; с православными прихожанами живут миролюбиво и вражды или

ненависти в их взаимоотношениях вообще не замечается. Старообрядцы при некоторых случаях (при браках и погребениях) посещают даже православный храм и отдают детей своих в православные школы. Пропаганды старообрядчества среди православных почти не ведется. В отчетном году уклонилось из православия в старообрядчество всего 3 человека.

Кроме раскольников-старообрядцев в Рижской епархии немало разного рода сектантов, вышедших из недр лютеранства. В приходах, расположенных на острове Эзеле (Лифляндской губ.), главным образом в г.Аренсбурге, встречаются разные секты – свободноверующих, баптистов, методистов и адвентистов. До настоящей войны секты эти вели довольно усиленную пропаганду среди народа и находили последователей, особенно среди лютеран. Впрочем, сектанты продолжали вести пропаганду и во время войны, по крайней мере, до весны 1915 года. Но с того времени, как главные руководители сектантства стали проповедывать, что убивать на войне грех, что нужно бросать оружие и сдаваться врагу и когда православные священники, в свою очередь, стали разъяснять народу, откуда явилось это учение и для какой цели, что родина их Германия³⁵ и что проповедники этих учений являются просто агентами германского правительства, действующими в интересах Германии и в видах отчуждения русских инородцев от России, – народ охладел к новым учителям и в отчетном году сектантская пропаганда совсем как бы затихла. Молитвенные собрания у них бывают, но не замечалось уже стремления к совращению, по крайней мере, православных в эти секты. Для противодействия сектантству и к предохранению своих прихожан от увлечения сектантскими учениями священники со своей стороны принимают все меры: в проповедях раскрывают ложность учения сектантов, предостерегают от посещения

их собраний, распространяют брошюры и книжки религиозно-нравственного и противосектантского содержания; устраивают в школьных домах тех приходов, где особенно стало прививаться сектантство, молитвенные собрания с общим пением духовных песнопений с противосектантскими беседами и собеседованиями. По донесениям священников, православные в сельских приходах также перестали интересоваться молитвенными собраниями и учениями сектантов. В г. Ревеле и в приходах Балтийско-Портском, Аррскюльском, Тапском, Ангернском (Ревельского и Вейсенштейнского уездов) имеются сектанты-баптисты, младошундисты, евангельские христиане, гернгутеры и ирвингиане.

Первой рационалистической сектой как вообще Прибалтийского края, так и в частности города Ревеля нужно считать гернгутерство; оно возникло в 40-х годах XVIII века. В 70-х годах XIX века появилось ирвингианство³⁶. За ним открыл свою деятельность баптизм; первая община этого вероучения зарегистрирована в 1896 году. От баптистов не отстали адвентисты; и они распространяют свое «благовестие» в Ревеле. Евангельские христиане появились в 1913 году. Хотя сектанты и утверждают, что они преследуют одни только религиозные цели и не имеют никакого соприкосновения с политикой, но на самом деле они весьма часто занимаются распространением противогосударственных и антимилитаристических идей. Для этой цели они пользуются проповедями и молитвами на своих богослужебных собраниях. Проповедники нарушают допустимые пределы проповеди и широко пользуются ею для тенденциозного освещения вероисповедной политики государства, положения сектантства и общего состояния страны; позволяют себе разного рода выпады по отношению к господствующей Церкви и обращают проповеди в рассуждения на темы политического

характера. Нередко при этом как в проповедях, так и в импровизированных публичных молитвах они указывают на своих единоверцев, подвергшихся карам со стороны государства за совершение преступлений, как на мучеников за веру; преследования их выставляют, как козни сатаны, а органы правительственной власти, как орудие дьявола, и подстрекают слушателей оказывать помощь, – не боясь ни тюрьмы, ни ссылки, – распространению Царства Христова на земле, под каковым они разумеют рост сектантства. Помимо богослужбных собраний сектанты ведут свою пропаганду чрез функционирующие в России и не находящиеся в ведении Православного Исповедания³⁷ Библейские и Трактажные общества. Состоящие на службе названных обществ лица – в интересах сектантства и усиления враждебных отечеству влияний, – прикрываясь законными намерениями раздачи книг и св.Писания, проникают в воинские части, в воинские лазареты и в самые глухие углы отечества для распространения сектантских идей, противогосударственных тенденций, антимилитарических учений и даже для целей шпионажа. Далее, нельзя не отметить стремления сектантских организаций использовать в своих интересах места массового скопления населения, как -то: фабрики и заводы, работающие на нужды обороны, железные дороги, пароходы и пр. В таких местах названные организации весьма часто содержат своих агентов, преследующих цели пропаганды среди служебного персонала. В видах предупреждения и пресечения усилий сектантов использовать вероисповедные движения в интересах противоправительственной и антимилитарической пропаганды, правительством были преподаны соответствующим учреждениям и лицам руководственным указания для наблюдения за деятельностью сектантов. Именно: 1). проповеди и импровизированные молитвы с рассуждениями

на политические темы необходимо рассматривать как публичные политические речи, произнесенные без соблюдения правил 4 марта 1906 года о собраниях, причем виновные в том лица, если не подлежат судебному преследованию, должны быть подвергаемы административным взысканиям на основании положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, 2). собрать сведения о книжных складах и агентствах Библейских и Трактажных обществ, не находящихся в ведении Св.Синода, в частности, о составе их служащих, их национальности, вероисповедании и отношении к сектантскому движению, 3). при разрешении ходатайств о разрешении книгоношам продажи книг в разнос с особой осмотрительностью проверять политическую благонадежность и отношение к противогосударственным вероисповедным движениям книгонош, 4). установить бдительное наблюдение за сектантами, служащими в промышленных предприятиях, в особенности работающих на оборону.

Наблюдениями и надзором за сектантскими общинами установлено вредное направление деятельности во время настоящей отечественной войны. Сектантские проповедники работают над осуществлением идей, грозящих внести в души подданных России ослабление чувства любви к отечеству; они под видом религиозных истин внушают молодым людям призывного возраста и находящимся на военной службе идеи, разлагающие воинский дух и извращающие понятие о присяге. Результатом такой пропаганды были довольно частые случаи отказов нижних чинов из сектантов – в большинстве случаев баптистов, евангелистических христиан и адвентистов – по религиозным убеждениям от употребления оружия против врагов и от участия в войне. Так, под влиянием этой сектантской пропаганды на одном военном

судне в Балтийском флоте нижние чины отказались от исполнения своих прямых обязанностей, оправдываясь своими религиозными убеждениями. В видах прекращения такого вредного влияния сектантов на воинских чинов комендантом морской крепости Императора Петра Великого³⁸ в августе месяце 1915 года безусловно воспрещены были собрания и проповеди евангельских христиан в пределах района крепости с предупреждением выселить из района крепости нарушителей запрещения. Относительно баптистов тоже выяснилось, что они ведут пропаганду антимилитаризма в среде нижних чинов гарнизона крепости Императора Петра Великого. Поэтому собрания их были в апреле месяце 1916 года воспрещены не только в районе крепости, но и по всей Эстляндской губернии. Запрещены также молитвенные собрания адвентистов. Гернгутеры же были изобличены в проповеди идей германизации эстонского населения. По произведенном жандармскими властями по поручению коменданта морской крепости Императора Петра Великого расследовании оказалось, что евангельское братское общество, – так официально называется община гернгутеров – существует вопреки закону, состоит из местных жителей-эстонцев евангелическо-лютеранского исповедания, за исключением брата-попечителя – немца, действительного члена, назначенного обществом гернгутеров из Германии. Будучи отделением братства гернгутеров в Германии, это общество чрез своего брата-попечителя служило целям германизации эстонского народа. Признавая такую деятельность евангелического братского общества вредной для российских государственных начал, комендант морской крепости Императора Петра Великого приказом от 19 января 1916 года за №168 предписал: 1) закрыть в пределах крепостного района евангелическо-лютеранское братство на все время военного

положения, 2) прекратить издание журнала «Петения» (?) на все время военного положения, 3) наложить секвестр на недвижимое имущество братства, капиталы и доходы с них на все время военного положения.

В Гапсальском уезде существуют баптисты, так называемые члены свободной веры, братья евангельской общины Иисуса Христа, адвентисты и ирвингиане. Все эти секты относятся враждебно ко всем православным. Наибольшая деятельность сектантов замечается на островах Даго и Вормс и в районе Мазммаского (?) прихода.

В г. Юрьеве и уезде существуют секты баптистов, адвентистов, штундистов и евангелическая община или братство. Юрьевское евангелическое братское общество Аугсбургского исповедания существует в Юрьеве около 100 лет и владеет здесь молитвенным домом. Богослужения в молитвенном доме в Юрьеве происходят по воскресным дням и большим праздникам церковным в 8 часов утра и в 6 часов вечера, когда нет богослужения в лютеранских церквях. Обрядов никаких при этом не совершается, и доступ на собрания имеют все лица без различия пола, возраста и вероисповедания. В национально-государственном отношении настроение членов братства не подавало повода к сомнению в преданности отечеству и вообще в деятельности их ничего предосудительного не замечено.

В Риге есть евангельское братское общество, насчитывающее 200 членов-латышей, и имеет каменный молитвенный дом. В Риге также есть сектанты-баптисты, имеющие здесь несколько молитвенных домов. Но особенного заметного влияния на православное и инородческое население г.Риги эти секты не оказывают.

В Феллине евангельское братство имеет молитвенный дом; членов братства насчитывается 127 человек обоего пола, все они эстонцы русского государственного

направления и деятельность их сводится к укреплению среди них религиозного чувства.

В уездах Лифляндской губернии места имеются молитвенные дома гернгутеров; в Юрьевском уезде – три дома, в Перновском – три, в Верроском – десять, в Вольмарском – один, в Валкском – семь, в Эзельском нет их. Около этих молитвенных домов группируются незначительное количество лиц, называющих себя «братьями». В молитвенных домах время от времени совершается богослужение местными пасторами или «братьями» по указанию и с ведома пасторов.

При разнообразии существующих в Прибалтийском крае сект таковые находят себе более или менее благодарную почву для распространения лишь в среде лютеранской, в генетической связи с которой они находятся, на православное же население эти секты оказывают мало влияния.

Епархиальный Миссионерский Совет. Епархиальный Миссионерский Совет не имел возможности в отчетном году проявить особой деятельности, потому что члены его, вследствие эвакуации Риги, рассеяны были по разным городам России. Всех отделений Миссионерского Совета имеется десять: Дагенское, Эзельское, Гапсальское, Ревельское, Виндавское, Либавское, Юрьевское, Илукстское, Верровское и Феллинское. Наиболее оживленную деятельность в отчетном году проявило Юрьевское отделение. Последнее в отчетном году как бы заменяло собою Епархиальный Миссионерский Совет, благодаря тому обстоятельству, что Преосвященный Иоанн до времени своего отъезда в августе месяце в Москву для участия на Поместном Всероссийском Соборе имел временное свое пребывание в Юрьеве, благодаря чему имел возможность руководить деятельностью отделения и лично наблюдать за осуществлением миссионерских задач.

Регулярно и систематически беседы поставлены в Юрьеве, где велись они на русском и эстонском языках. Русские беседы происходили в Успенском соборе от 1 октября до Пасхи по воскресным дням в 5 часов вечера. Беседа предвлялась совершением вечерни и чтением, часто Преосвященным Иоанном, акафиста. Беседы, предлагаемые проживающими в городе Юрьеве священнослужителями, выслушивались внимательно слушателями, собирающимися в значительном количестве и с высоким духовным воодушевлением исполнявшими церковные песнопения. Эстонские беседы происходили в Александро-Невской церкви по воскресным дням в 6 часов вечера, а во время поста и по четвергам. Беседы эти привлекали много слушателей – не только православных, но и лютеран и сектантов; среднее число слушателей было 500-600 человек. Вниманием и большим успехом пользовались открытые в 1915 году миссионерские и религиозно-нравственные беседы, проходившие в отчетном году в помещении начальной школы при Учительской семинарии – по четвергам каждой недели в 7 часов вечера. В каждом собрании предлагались две беседы: одна миссионерского содержания, другая – религиозно-нравственного характера. С беседами выступали священники Юрьевского уезда, не только ближайшие к городу, но и проживавшие в дальнем расстоянии. Священники других благочиний, бывая по делам в Юрьеве, приходили на беседы и знакомились с постановкой их, чтобы в своих приходах по этому образцу устроить такие же беседы. Некоторые из них и сами предлагали назидательные поучения слушателям. Присутствуя лично до времени своего отъезда в Москву, Преосвященный Иоанн заканчивал их прилагаемыми со своей стороны наставлениями. Эти беседы привлекали значительное количество слушателей (до 400 человек),

даже в летнее время посетителей бывало до 150-170 человек. Слушатели внимательно выслушивали беседы, с воодушевлением пели церковные песнопения и духовные стихи. Они не только в беседах получали удовлетворение своим духовным запросам,

но, покидая собрание, приобретали для домашнего чтения книги и листки религиозного содержания и номера эстонского духовного журнала. Продажа книг при беседах организована была священником Н. Кокла.

Примечания

- 1 Исторический (Национальный) архив Эстонии (далее – ЕАА), ф.2267, оп.2, д.12, л.2.
- 2 Следует отметить, что во время всех этих событий будущий епископ Платон (Кульбуш) находился в Петрограде, т.е. в самом эпицентре событий.
- 3 Доклад Св.Синода о преобразовании Рижского викариатства Псковской епархии в самостоятельную Рижскую епархию Николай I утвердил 25 февраля 1850 года. Рижская епархия была открыта с 1 июля 1850 года. Непонятно, почему автор отчета называет годом основания епархии 1851 год. Видимо, при написании данного отчета использовался предыдущий отчет – за 1914 год, в котором была эта же опечатка.
- 4 Архиепископ Иоанн (в миру – Иван Ксенофонович Смирнов, 1844-1919), в 1902-1904 гг. – епископ Чебоксарский, викарий Казанской епархии; в 1904-1910 гг. – епископ Подтавский и Переяславский; в 1910-1917 гг. – архиепископ Рижский и Митавский; с 20 ноября 1917 года по 14 октября 1919 года – архиепископ Рязанский и Зарайский.
- 5 Епископ Орловский (с 12 августа 1918 года – епископ Вяземский) Макарий (в миру – Михаил Васильевич Гневушев, 1858-1918, священномученик, прославлен на архиерейском Соборе 2000 г.).
- 6 Митрополит Иосиф (в миру – Иван Семенович Петровых, 1872-1937, прославлен РПЦЗ в лике святых как священномученик), в 1908-1920 гг. – епископ Угличский, викарий Ярославской епархии; в 1920-1926 гг. – архиепископ Ростовский, викарий Ярославской епархии; в 1926-1927 гг. – митрополит Ленинградский, лидер течения «иосифлянства»; 27 марта 1928 года запрещен в служении митрополитом Сергием (Страгородским), однако не признал запрещения; в 1929 году арестован ОГПУ, расстрелян 20 ноября 1937 года.
- 7 Протоиерей Александр Климентовский (1889-?), с 1909 г. – священник Рижской Иоанновской церкви; с 1911 г. служил в Рижском Свято-Троице-Сергиевом монастыре; с 1914 г. – и.о. ключаря Рижского кафедрального собора, протоиерей; в 1916 г. командирован в действующую армию; в 1925 году был арестован ОГПУ, отбывал наказание в Соловецком лагере.
- 8 Протоиерей Василий Березский (1860-?), с 1885 г. – законоучитель в Прибалтийской учительской семинарии; с 1891 г. – священник Рижской Александро-Невской церкви; с 1899 года – Рижско-градский благочинный, с 1902 г. – протоиерей; после Первой мировой войны служил в Таганроге настоятелем церкви Иоанна Предтечи.
- 9 Священник Василий Шукин, с 1908 г. – священник Рижского Христорождественского кафедрального собора; с декабря 1914 года редактировал «Рижские Епархиальные Ведомости».
- 10 Протоиерей Владимир Плисс (1862-1927), с 1893 г. – священник Рижского кафедрального собора, с 1896 г. – ключарь кафедрального собора, с 1900 г. – настоятель кафедрального собора, с 1900 г. – протоиерей и благочинный кафедрального собора; после Первой мировой войны служил в Нижегородской Вознесенской церкви; в 1926 г. был арестован и выслан в Казань. Скончался 28 февраля 1927 года в Казани.
- 11 Епископ Платон (Кульбуш) был назначен управляющим Рижской епархией 22 января 1918 года. Известно, что в мае 1918 года епископ посетил оккупированную немцами Ригу, где во всех церквях провел богослужения. Автор отчета не упоминает этого важного факта. Таким образом, отчет был написан в период с конца января по начало мая 1918 года.
- 12 Речь идет о Петропавловском соборе в Рижской Цитаделе, который до постройки Христорождественского собора был кафедральным, а с утратой этого статуса был отдан эстонской православной общине Риги.
- 13 23 марта 1923 года Сейм Латвийской Республики принял закон, по которому комплекс Св.Алексеевского монастыря (храм, архиерейский дом и две жилые постройки) был передан Римско-католической Церкви. Св.Алексеевский храм был

- перестроен (автор перестройки – арх. А. Медлинг) и превращен в католическую церковь Св.Марии Магдалины.
- 14 Нынс – Центральный Рижский вокзал. Привокзальная часовня во имя Св. благ. кн. Александра Невского была снесена в июле 1925 года на основании решения Кабинета министров Латвийской Республики от 26 июня 1925 года.
 - 15 Сестры Екатерина (1861-1926) и Наталия (1868-1934) Мансуровы были основательницами Рижского Свято-Троице-Сергиева монастыря. Обе приняли постриг, Екатерина под именем Сергии стала первой игуменьей обители. Видимо, именно сестры Мансуровы и обратились за помощью к С. В. Мансуровой.
 - 16 Митрополит Арсений (в миру – Авксентий Георгиевич Стадницкий, 1862-1936), с 1910 г. – архиепископ, с 1917 г. – митрополит Новгородский и Старорусский, в 1933-1936 гг. – митрополит Ташкентский и Туркестанский.
 - 17 Прибалтийское православное братство Христа Спасителя и Покрова Божьей Матери было образовано в 1882 году (указ Св.Синода от 30 апреля 1882 года был утвержден Устав братства) путем слияния Гольдингенского православного братства (основано в 1869 г.) и Петербургского православного братства (создано в 1871 году) с целью поддержки и распространения православия в Прибалтийском крае.
 - 18 Во время Первой мировой войны комплекс Илукстского женского монастыря и епархиального училища был полностью разрушен, из 12 построек уцелел лишь первый этаж монастырского корпуса. В 1921 году решением латвийского правительства руины Богородице-Рождественского храма и большая часть монастырской земли были переданы католической общине. У монастыря остались лишь около 60 га земли и одноэтажный корпус, в котором была устроена и 22 июня 1927 года освящена домовая церковь Рождества Богородицы.
 - 19 Так в оригинале.
 - 20 Протоиерей Константин Кокла (1878-1946), с 1912 г. – диакон Ревельской Преображенской церкви, с 1913 г. священник Кыргесаарской церкви, с 1915 г. священник Вендауской церкви, с 1916 г. священник Юрьевской Александро-Невской церкви, с 1928 г. протоиерей, в 1927-1944 гг. Тартуский благочинный.
 - 21 Т.е. в виде крестов (буквы «X»).
 - 22 В праздник фест (по лат. festum) в католических церквях служитя Литургия, которая сопровождается общим пением.
 - 23 Руга – жалование причта отсыпным хлебом или деньгами, размер которого назначался произвольно. В данном случае, автор, видимо, имел в виду жалование, выплачиваемое причту землевладельцами. Ругой также называлась земля, выделенная на содержание причта.
 - 24 Видимо, реквизициями авторы отчета называют национализацию земли большевиками
 - 25 В тексте допущена опечатка. Инициалы обер-прокурора Св. Синода не «А», а «Н. П.». Николай Павлович Раев занимал эту должность с 30 августа 1916 года по 3 марта 1917 года.
 - 26 В документе стоит пробел.
 - 27 В документе стоит пробел.
 - 28 В документе стоит пробел.
 - 29 В документе стоит пробел.
 - 30 В документе стоит пробел.
 - 31 В документе стоит пробел.
 - 32 В документе стоит пробел.
 - 33 Видимо, автор имел в виду поморское согласие староверов-беспоповцев.
 - 34 Австрийское или белокрыницкое согласие староверов-поповцев.
 - 35 Интересно отметить, что родоначальниками баптизма были английские пуритане, методисты отделились от англиканской Церкви в Англии, родиной адвентизма считается США, т.е. ни одно из этих течений не зародилось в Германии, как считал автор Отчета.
 - 36 Ирвингиане – религиозное течение, основанное в 30-х годах XIX века в Лондоне пресвитерианским проповедником Эдвардом Ирвингом. Самоназвание – апостолы последних дней, Католическая апостольская Церковь, Староапостольская Церковь.
 - 37 В синодальный период совокупность органов церковного управления в юрисдикции российского Святейшего Правительствующего Синода часто именовалась ведомством православного исповедания или просто Православным Исповеданием.
 - 38 Около Таллинна. Другое название крепости – Ревель-Поркалаудская.

Публикация, предисловие к публикации и примечания Александра Гаврилина

Письмо Преосвященного Доната, Епископа Рижского и Митавского о переходе шведов острова Вормси в православие

Происходивший в середине и во второй половине XIX в. переход крестьян Лифляндской и Эстляндской губерний в православие затронул не только латышей и эстонцев, но и прибрежных шведов¹.

Шведское население восточного побережья Балтийского моря и прилегающих к нему островов упоминается в источниках с XIII века. Численность его возрастала постепенно на протяжении средних веков и особенно активно в период, когда эти территории входили в состав Шведского государства; в XVII в. она составила около 12 тысяч человек. Прибрежные шведы – рыбаки и крестьяне – пользовались т. н. «шведским правом» – *ius svecium*, – оградившим их от крепостного права. Они сохранили личную свободу и некоторые привилегии.

Одним из мест компактного проживания шведов был и остров Вормси, четвертый по величине после островов Сааремаа, Хийумаа и Мухумаа остров Моонзундского архипелага. Население его, как и остальные прибрежные шведы, исповедовало лютеранство. Однако активизация деятельности баптистов во второй половине XIX в. не обошла стороной

и о. Вормси: в 1873 г. на остров прибыл шведский миссионер Ларс-Юхан Эстерблом². Его деятельность вызвала обеспокоенность лютеранской консистории Эстляндии, обратившейся за помощью к губернатору Эстляндии князю С. В. Шаховскому³. В 1887 г. был выслан сначала сам Эстерблом, а затем и другие шведские миссионеры-баптисты, действовавшие в других местах Эстляндии.

«Вот среди этого населения, – пишет историк церкви в XX в. – в 1886 г. началось движение в православие к немалому удивлению людей, знающих жизнь этих мест. Лютеранская вера отцов не стала удовлетворять духовные нужды островитян, и люди стали искать истины. Стали возникать секты частью под влиянием сектантов иноземных, частью по почину наиболее влиятельных людей из среды самих крестьян. Сначала движение было малозаметно, но быстро разрослось и охватило весь остров. Наиболее распространились здесь скакуны, как секта, соответствующая характеру местного населения. Но и секты не удовлетворяли жаждавших истины. Они быстро меняли их, переходя из одной в другую, покидая одного «учителя» и увлекаясь

Церковь на о. Вормси. 2007 г.

Недействующая церковь на о. Вормси. 1960-е годы

доводами другого. Вот в это время сюда дошли вести о православии.

С осени 1886 г. к Гапсальскому⁴ благочинному о. Николаю Полетаеву⁵ стали приходить делегации от Вормских крестьян с просьбой принять их в лоно православной церкви. О. Полетаев уговаривал островитян повременить с переходом в «русскую веру» и зрело обдумать этот шаг, пока не убедятся, что стремление к принятию православия не есть исход моментального увлечения. Но делегаций становилось все больше, а их требования настойчивее. В том же году о. Полетаев приехал на Вормси, где крестил 560 человек.

Это религиозное движение среди Вормских крестьян застало врасплох церковь: не было священника, знавшего шведский язык, богослужебных книг, средств на построение храма и школ.

Указом Святейшего Синода в 1886 г. открыт самостоятельный приход⁶.

Эта ситуация и отражена в письме Преосвященного Доната⁷ Епископа Рижского и Митавского от 7 июля 1886 г., в котором описана чрезвычайно напряженная религиозная обстановка, сложившаяся к тому моменту на острове Вормси.

В дальнейшем, построенный в 1890 г. деревне Гулло (Hullo) на острове Вормси каменный храм «был освящен во имя Воскресения

Христово 29 июля 1890 г. Преосвященным Арсением⁸, епископом Рижским и Митавским»⁹. Приходская школа, открытая еще в 1886 г., с 1890 г. помещалась рядом с церковью в собственном деревянном доме. В деревне Свйбу работала и вспомогательная школа, открытая также в 1886 г. Работа школ сталкивалась с затруднениями также и потому, что местный шведский язык отличался от современного шведского литературного, и учителей для этих школ было найти нелегко. В отчетах нередко сетования подобного рода: «Особенно трудно подыскать подходящих учителей для училищ на островах Вормс¹⁰, Даго, Нукке и в волостях на севере Гапсальского уезда Рикгольцской и Сутлепской, где главную массу населения составляют шведы, для которых преподавание закона Божия должно вестись на шведском языке, притом туземном-старошведском, совершенно отличном от нынешнего шведского литературного языка. Вследствие такой особенности приходится ограничиваться для этих местностей паллиативными мерами из опасения, что школа может оказаться недействующей, как это и случилось с Пагиленскою волостною школою на острове Нукке, которая была закрыта в течение двух лет с 1898 по 1900 год, за неимением учителя, знающего местный шведский язык».¹¹

Количество прихожан на острове Вормси в конце XIX – начале XX веков постоянно росло: в 1891 г. их было 565 человек, в 1900 г. – 667 и в 1916 г. – 688¹². В дальнейшем их число сокращалось. Приход на острове Вормси был закрыт в 1951 г.

Большинство прибрежных шведов уехали во время Второй мировой войны. В настоящее время делаются попытки предотвратить дальнейшее разрушение православного храма на о. Вормси¹³.

Публикуемое письмо Преосвященного Доната, Епископа Рижского и Митавского, от 7 июля 1886 г. из фондов Латвийского государственного исторического архива (далее

ЛГИА) дает представление об особенностях ситуации, сложившейся на острове Вормси в момент обращения его жителей в православие. Документ сохранился среди бумаг канцелярии епископа Рижского и Митавского и представляет собой канцелярскую копию. Текст документа воспроизводится по современным правилам правописания с сохранением стилистических и языковых особенностей подлинника. При публикации сохранено написание прописной и строчной букв, так как это дополнительно характеризует отношение авторов документов в том числе и к проблемам вероисповедания.

Письмо Преосвященного Доната Епископа Рижского и Митавского от 7 июля 1886 г.

ЛГИА. 4754.1.472. Л. 83-85

Копия¹⁴

Ваше Высокопреосвященство,
Высокопреосвященнейший Владыко,
Милостивейший Архипастырь и Отец.

Третья часть жителей острова Вормса в числе 813 лиц чрез представителей волостного управления своего заявили письменно Гапсальскому священнику Полежаеву¹⁵ о своем желании принять православную веру. Побуждением к принятию православия, по заявлению их, служит то, что они под влиянием учения баптистов и скакунов потеряли уверенность в какой-нибудь прежней вере своей и решились принять самую старую и неизменную веру православную, которую исповедает Государь¹⁶ и русский народ. Их знакомство с этою верою убеждает, что она согласна с Библиею. Жители этого острова Шведы, мужчины их понимают несколько

эстонский язык, а женщины и дети не понимают никакого языка, кроме шведского.

Один из священников острова Эзеля¹⁷ Орлов¹⁸, знакомый с книжным языком, сделал переводы литургии, часов, чина присоединения лютеран к православной церкви и некоторые молитвы, но Орлов не свободно владеет разговорным языком. Поэтому он вместе с Дерптским¹⁹ Протоиереем Образцовым²⁰, изучавшим шведский язык во время службы при миссии в Стокгольме, может послужить при присоединении жителей Вормса к православной церкви, но не может быть у них священником.

Озабочиваясь приисканием такового, я всепочтительнейше прошу Ваше Высокопреосвященство указать мне такое лицо между служившими в Финляндии или при посольстве в Швеции, которое я мог бы

назначить священником на о[стров] Вормс в случае открытия там прихода для шведов.

По поводу жалобы, поданной Вашему Высокопреосвященству от имени Якобштатских²¹ прихожан на священника Лебедева и диакона Дунаева. На следствии она оказалась ложною и измышлена 7 неблагонадежными лицами, находящимися в близких сношениях с младшим священником Пайшен²².

Испрашивая Ваших Архипастырских молитв, с глубочайшим высокопочитанием и сыновнею преданностью имею честь быть

Вашего Высокопреосвященства,
Милостивейшего Архипастыря
всепокорнейший послушник
Донат Епископ Рижский и Митавский

7 июля 1886 г.

Рига

Примечания

- 1 Встречаются также варианты этнонима: балтийские шведы, эстонские шведы, береговые шведы.
- 2 Sonn M. Vormsi. Tallinn: Maalehe Raamat, 1999. Lk 51-52.
- 3 Берг А. Ревнитель православия в Прибалтике. ЖМП № 10 октябрь 2014 / 20 октября 2014 г. http://www.e-vestnik.ru/analytics/revnitel_pravoslaviya_v_pribaltike_8374/?m=print (2015-12-27)
- 4 Гапсаль – уездный город в составе Эстляндской губернии, совр. г. Хаапсалу.
- 5 Полетаев Николай Александрович (5.07/5.11. 1846-21.09.1888). Окончил Рижскую Духовную семинарию (1867), Санкт-Петербургскую Духовную Академию (1871). Преподавал в Рижской Духовной семинарии (1871-1879). Служил иереем в Хаапсалу (1880-1888). Открыл приходы в Вайке-Лахтре (1884), Мязмыйза (1886), Мярьямаа (1886), Вормси (1886), Ристи (1887). – Православие в Эстонии в Х-XXI столетиях. Имена личные и храмы. Энциклопедический справочник. Сост. В. Илъяшевич. Таллин, 2014. С. 277. Среди документов канцелярии епископа Рижского и Митавского сохранилось свидетельство о знании эстонского языка священником Николаем Полетаевым – «эстонский язык знает хорошо» (Латвийский государственный исторический архив, далее ЛГИА.4754.1.472. Л. 148).
- 6 Исторический архив Эстонии, далее ИАЭ. 5466. т. 29. Л. 47. – Рукопись: Vladimir von Berens. Эстонская епархия. Тп., 1974.
- 7 Епископ Донат (1829-1900) занимал Рижскую кафедру в 1882-1887 гг. (Сахаров С. П. Рижские православные архипастыри за сто лет (1836-1936). Популярно-исторический очерк. Краслава, б. г. С. 34-36.)
- 8 Архиепископ Арсений (1839-1914) занимал Рижскую кафедру в 1887-1897 гг. (Сахаров С. П., с. 36-40.)
- 9 ИАЭ. 5466. т. 29. Л. 47 об.
- 10 Вормс (эст. Vormsi, швед. Ormsö, нем. Worms) – совр. о. Вормси, один из островов Моонзундского архипелага. Входил в состав Эстляндской губернии.
- 11 ИАЭ.384.1.1352. Л. 237об.-238.
- 12 ИАЭ. 5466. т. 29. Л. 47 об.
- 13 <https://www.facebook.com/Vormsi-%C3%95igeusukiriku-Taastamise-MT%C3%9C-795868073832886/notes> (2015-12-27)
- 14 В левом верхнем углу листа наискосок синим карандашом написано слово «Рига».
- 15 Фамилия священника при копировании, видимо, была вычитана неверно (строчное «т» прочитано как строчное «ж») и искажена: вместо «Полетаев» написано «Полежаев». О Полетаеве смотри ссылку 5.
- 16 Александр III (1845-1894), император Всероссийский в 1881-1894 гг.
- 17 Эзель – совр. о. Сааремаа (эст. Saaremaa, нем. Ösel), крупнейший из островов Моонзундского архипелага.
- 18 Орлов Николай Федорович (1834-3.08.1890), протоиерей. Священник на островах Эзель и Вормс, также в Гапсале, переводчик богослужебных книг на эстонский и шведский языки. Член и соучредитель «Эзельского Свято-Николаевского эсто-русского Православного Братства». – Православие в Эстонии в Х-XXI столетиях. С. 250.
- 19 Дерпт – уездный город в составе Лифляндской губернии, совр. г. Тарту.

- 20 Образцов Павел Ефимович (1840-23.11.1895), профессор православного богословия в Дерптском университете (1885-1892), протоиерей. Настоятель Успенского храма в Дерпте (1.03.1885-1.09.1891). – Православие в Эстонии в X-XXI столетиях. С. 246.
- 21 Якобштадт – город в составе Курляндской губернии, совр. г. Екабпилс.
- 22 Пайшен – о слухах и недоразумениях, связанных с этим священником в Якобштадте, см. также в письме епископа Рижского и Митавского Доната К. П. Победоносцеву от 1 февраля 1885 г. (АГИА. 4754.1.472. Л. 183.)

Публикация, предисловие и комментарии Людмилы Дубьевой

Summary

Like all the previous issues of the scientific periodical «Orthodoxy in the Baltic States», the fifth issue also consists of three sections: 1. Scientific articles; 2. Memoirs; 3. Publication of documents.

An article of Polish historian, Professor Anthony Mironovich «Liquidation of the Commonwealth on the territories of the Polish Kingdom» traces the process of the destruction of the last stronghold of the Uniate Church in the Russian Empire – Greek-Catholic parishes on the territory of the former Kingdom of Poland. The author concludes that this process was based on close cooperation between tsarist authorities and hierarchy of the Uniate Church as well as the repression of public authorities against the Uniate clergy and laity. Meanwhile, the use of methods of administrative coercion in the conversion of Uniates to Orthodoxy negatively affected the reputation of the Orthodox Church.

An article of the architectural historian, Archpriest Alexander Bertash is devoted to the work of Vladimir Lunskiy – the provincial architect of Livonia and the diocesan architect of Riga at the end of XIX – beginning of the XX century. Until now the churches built by Lunskiy, did not attract the attention of researchers.

Anatoly Kinstler in the article «Good Samaritan f. Alexander Kiselev: Experience of work with Russian youth» analyzes the wealthy experience of the missionary activity of the native Estonian, f. Alexander Kiselev.

An article of the son of the artist Yevgeny Klimov – professor of Russian literature Alexei Klimov – is devoted to a little-known page of the artist's creative work, that is, of his attitude to religion, his attempts to paint icons and to work on mosaics on religious subjects.

The material of the St. Petersburg historian Ivan Petrov analyzes the situation of the Orthodox clergy in the former Estonian lands, included after the Second World War in the Russian Federation.

Finally, the Estonian researcher Sergey Männik introduces the reader to one of the Orthodox bishops – Estonians – Roman (Tang).

In the second section of the periodical, the memoirs of lawyer Boris Grunduls (1889-1969) «On stage and in the choir. Memories of a chorister» are published. As the son of an Orthodox priest, author of memoirs already in his childhood began singing in church choirs. Over the years, B. Grunduls accumulated a wealth of experience in choral singing and learned to deal with it professionally. It

should be noted that this is the first attempt in the history of the publication of memoirs of a chorister, who sang in the Latvian Orthodox churches. The text of memoirs is prepared for publication by Dm. I. Troubetzkoy.

In the third section of the periodical, the last report on the state of the diocese of Riga for 1917 is published – the only report compiled by consistory of the martyr Platon (Kulbush), Bishop of Revel. This unique document

is prepared for publication by Alexander Gavrilin. In the same section, «A Letter to the Right Reverend Donat, Bishop of Riga and Mitau, about the conversion of Swedish Vormsi to Orthodoxy», prepared for publication by Lyudmila Dubieva, is also published.

All historical sources, published in the third section, are introduced into the scientific discourse for the first time.

Православие в Балтии
№ 5 (14)
Научно-аналитический журнал

Pareizticība Baltijā
Nr. 5 (14)
Zinātniski analītisks žurnāls

The Orthodoxy in the Baltics
№ 5 (14)
Scientific-Analytical Journal

Izdevējs: LU Filozofijas un socioloģijas institūts

Kalpaka bulvārī 4, Rīga, LV-1050
tālr. – 67034520 e-pasts – fsi@lza.lv www.fsi.lu.lv

Iespiests SIA «Latgales druka», Rēzeknē, Baznīcas ielā 28